

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

Хуже не будет

«ЭКСМО»

2010

Колычев В. Г.

Хуже не будет / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2010 — (Колычев.
Мастер криминальной интриги)

ISBN 978-5-699-44189-1

Жизнь – полоса препятствий, но Кирилл Мускатов умеет преодолевать ее. Он – трейсер, мастер экстремальной уличной акробатики, а также удачливый наркокурьер и душа уличной банды. От тюрьмы, правда, ему убежать не удалось: взял на себя вину любимой девушки и два года топтал зону. Зато теперь Мускат начинает жить с чистого листа: он еще молод и хочет забыть тягостное прошлое. Однако это самое прошлое не хочет забывать Кирилла. Оно грубо и жестоко вламывается к нему в лице его бывших подельников. И снова, как при выполнении смертельного трюка, его жизнь, а также жизнь его возлюбленной повисают на тонком волоске над пропастью...

ISBN 978-5-699-44189-1

© Колычев В. Г., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Владимир Колычев

Хуже не будет

Часть первая

Глава 1

Темная туша дракона, вылепленная из дождевых туч, рыхлой грудью напирала на крышу блочной высотки. Антенна с красным огоньком на верхушке, казалось, сгибалась под тяжестью грозового монстра, на самом же деле длинный металлический штырь качался под натиском северного ветра. Белые парусники облаков по синему небу, будто по морю, стремительно уходили на юг, встревоженные надвигающимся штормом. А по земле, в проходе между домами, кружила поземка из желтых листьев...

Это не просто надвигалась гроза, это холодная осень гнала со двора солнечное лето... В доме было тепло, из щелей не дуло, но стоявшая у окна девушка сомкнула рукой на шее ворот халата. Неуютно у нее на душе, и в горле тоскливый ком. Еще вчера утром она загорала на песке анапского пляжа, купалась в Черном море, а завтра ей уже идти в школу. Первое сентября, одиннадцатый класс. Осень, пасмурное настроение...

Ветер швырнул в окно горстку желтых листьев, сорванных с лета; одни царапнули по стеклу, другие прошуршали по жестянке подоконника. И эти звуки, казалось, прозвучали насмешкой над недавним прошлым, где грустившая сейчас девушка смеялась и радовалась жизни... И не так важно, что это была курортная и оттого не совсем настоящая жизнь, зато сколько искренних и сильных чувства она в ней познала...

Ее парню было тридцать лет; зрелый, состоявшийся мужчина с хорошей фигурой. Черты лица у него были не совсем правильные, но глаза как море: глянешь в них и тонешь, захлебываясь чувствами. Руки сильные, мускулистые, но такие мягкие, теплые...

Инга благодушно улыбнулась, вспомнив, как на них оглядывались прохожие, когда они шли по набережной. Он такой интересный, энергичный, элегантно-брутальный со своей фирменной небритостью, и она под стать ему – яркая, красивая, с длинными распущенными волосами; платье для коктейлей короткое, белое, идеально гармонирующее с отменным загаром. Они были красивой парой... Были...

Игорь еще позавчера вылетел в Екатеринбург, там у него семья – жена, двое детей. Курортный роман испарился, на его пляжно-песчаных равнинах выросли унылые высотки московских домов. А завтра наступит осень, и на пути к следующему лету долгой и нужной преградой встанет школа. Хочешь не хочешь, но к ней нужно готовиться. Какая-никакая, но там все-таки жизнь, и в нее нужно входить широким, уверенным шагом... Да и подруги там, Танька и Лелька...

Инга небрежно усмехнулась, вспомнив о Косте, который нравился ей с девятого класса... Наверное, он вырос за это лето, возможно даже, возмужал. Но все равно ему далеко до Игоря, до его мужской зрелости. При всех своих достоинствах Костя всего лишь большой мальчишка, если не сказать недоросль. И не впустит Инга его в свою жизнь, как это было с Игорем...

За спиной зазвонил мобильник. Он лежал на компьютерном столе и, вибрируя, довольно быстро двигался к самому краю по лакированной поверхности. Инга подождала немного, подставила руку, и телефон скользнул к ней в ладонь. Это мог быть Игорь, но сердце почему-то не заколотилось в груди, кровь осталась пресной.

Ее курортный роман был прекрасен, но при всей своей по нему ностальгии Инга ясно давала себе отчет, что Игорь уже вычеркнут из ее жизни...

На дисплее высветился неизвестный номер.

– Да.

– Инга, привет!

Звонил Антон, ее двоюродный брат. Последний раз он звонил так давно, что Инга уже забыла его номер. И даже не стала заносить его в память своего нового телефона.

– День рождения у меня был в феврале, – поддела его девушка.

Антону было двадцать восемь лет, взрослый парень, банковский юрист, своя квартира в Москве, машина. Но, видно, весь в делах, некогда ему навестить родного дядю и сестру заодно. Это когда он в университете учился, тогда чуть ли не каждую неделю родственников навещал, а как жизнь наладилась, так забывать их стал и с праздниками все реже поздравлял. Да и сама Инга, если честно, нечасто вспоминала о нем, не отмечала в своем календаре значимые для него даты.

– Э-э, а я разве не поздравлял? – замялся Антон.

– Не напрягайся, нормально все... Чего надо?

– Чего надо? – взбудораженно переспросил он. – Может, ничего не надо. Может, просто позвонил... Встретиться с тобой хочу.

– Долго думал?

– Да нет... Я тут рядом, сейчас подъеду. В ресторан пойдем... ну, если хочешь?

– Что это на тебя нашло?

– Ну, завтра первое сентября, День знаний, да?

– Что-то типа того. Только это не праздник.

– Так зато сегодня... э-э, прощание с летом... Да и воскресенье все-таки...

– Ты меня купил, Золотарев!

Антон обещал быть через десять минут, но Инга не торопилась. Она вспоминала, в чем гуляла по вечерней набережной. И белое платье для коктейлей, и сарафаны на бретельках, и короткие юбки с декольтированными топами... Увы, но для прохладной Москвы эта пляжная экзотика неуместна. Есть у нее несколько платьев, которые она могла бы надеть в столичный ресторан, но ей не совсем понятно настроение Антона. Как-то с бухты-барахты все вышло; может, ее вечерний выход с ним превратится в сплошное недоразумение. Поэтому стоит обратиться к универсальному стилю – брюки, футболка и джинсовый пиджачок... Да, и еще макияж должен быть спокойным, слегка теплым, а не знойным, как на море...

Инга собиралась, Антон звонил ей, потираливал, и это ее нервировало. Может, поэтому, когда она встала перед зеркалом в прихожей, едва удержалась от желания закрыться в ванной, раздеться догола и встать под душ, чтобы затем заново уложить волосы, перебрать гардероб, по-другому «нарисовать» глаза и губы. А удержалась она опять же из-за Антона, который снова позвонил ей и в какой уже раз сообщил, что ждет ее внизу. Злость на него пересилила раздражение из-за собственного вида, и она тогда решила спуститься к нему в чем была. Если ему все равно, как она выглядит, то чего она должна стараться? Пусть он принимает ее такой, как она есть. Тем более он ей всего лишь двоюродный брат.

Но ей-то вовсе не все равно, что думают о ней люди. Она привыкла быть в центре внимания, и ей совсем не место на обочине. Об этом девушка думала, когда подходила к машине, возле которой нервно прохаживался Антон. Увидев ее, он изобразил бравурную улыбку и приветливо помахал рукой. Увы, но смотрел он на нее без должного восхищения, и будь Инга помоложе, она бы капризно надула губки. Но ей уже семнадцать, она взрослая и умеет контролировать себя. Поэтому она улыбнулась Антону, растягивая, но не размыкая губы.

Антон сиял, как его новенькая «Хонда» – так же глянцево, но как-то бездушно. Он улыбался Инге, но думал о чем-то своем; под мажорным блеском в его глазах сквозили печаль

и досада. Модельная прическа – волосок к волоску, дорогие очки без оправы, холеное, будто полированное лицо с намечающимся вторым подбородком. Фигура у него неспортивная, но летний костюм скрывал жировые отложения на боках. Словом, выглядел он неплохо, но, похоже, беспокойно у него на душе, и улыбка больше страдальческая, нежели радостная. Тучи затянули почти все небо, где-то над Кольцевой автострадой уже гроыхала гроза, здесь слегка накрапывал дождь, но Антон, казалось, не замечал непогоды. И пиджак у него в мокрых полосках...

– Красивая ты у меня, сестренка, – распахивая перед ней дверцу, легко, без внутреннего напряжения сказал он.

И совершенно никакого смущения в глазах. Что ж, так и должен прозвучать комплимент из уст родственника, не притязающего на более близкие отношения. Инга тоже на это не претендовала, но все-таки ее женская сущность требовала замиранья сердца, с которым должно было быть выражено восхищение в ее честь. Антон же даже не пытался подыгрывать ей, хотя и должен был знать, на какие уловки ведутся женщины. Все-таки он холостяк со стажем, и в девушках у него недостатка не было.

– Может, все-таки скажешь, что случилось? – спросила Инга, когда машина с легким шелестом покатила к перекрестку дворовых дорог.

– Ничего. Просто подумал, что давно не виделись.

– Почему домой не зашел?

– Э-э, а родители твои дома?

– Да нет, на даче...

Отец был помещан на своем загородном домике. В долги влез, чтобы его построить, пропадавал там по выходным и праздникам, даже отпуск собирался провести на даче – мама с трудом уговорила его ехать на море. Вчера, сразу с аэродрома, забрав жену и младшую дочь, он отправился за город. Инга на дачу ехать отказалась, в конце концов, она уже взрослая девушка, и если ей чего-то не хочется, то лучше не заставлять...

– Они уже домой едут, в пробке застряли... Но ведь я же дома была. Или я тебя не устраиваю? – с горчинкой посмотрела на брата Инга.

– Если бы не устраивала, я бы тебя в ресторан не позвал... А домой не стал заходить, чтобы не отвлекать. Ты и так долго собиралась.

– И совсем не долго, а очень даже быстро. И ты меня достал своими звонками...

– Ну вот видишь, звонками достал. А что было бы, если б я над душой у тебя стоял?

– Я бы тебя убила, – честно призналась Инга.

– А ты спрашиваешь, почему не зашел... Настроение у тебя, как я погляжу, не очень.

– Завтра – в школу. Что тебе еще сказать?

– Ну да, комментарии излишни... Знаешь, я сам одиннадцать классов заканчивал. Но мы через четвертый класс перепрыгнули, поэтому я реально десять лет отучился. В семнадцать лет в универ поступил...

– А мы не перепрыгивали, – вздохнула Инга. – У нас все четыре класса в началке были... Кто-то в моем возрасте уже в институте, а я как идиотка – первый раз в одиннадцатый класс.

– Ничего, я слышал, что скоро по двенадцать лет будут учиться. Так что, считай, тебе повезло...

– Да, знала я одного такого везунчика – мог бы с двенадцатого этажа упасть, а свалился с одиннадцатого...

– И мы упадем, если можно, – засмеялся Антон.

И, плавно притормозив, повернул руль по часовой стрелке. Его «Хонда» аккуратно заполнила место на парковке между серебристым «Лексусом» и красным «Ауди». Он заглушил мотор, торопливо вышел из машины, направляясь к двухэтажному, красиво украшенному зданию. Высокая прибрежная скала, море в солнечном свете, галеры под парусами. На то, что эти

суда могли быть древнегреческими, указывало название ресторана, расположенного в этом здании, – «Гелия». Насколько знала Инга, так звали дочь древнегреческого бога солнца Гелиоса.

Антон так торопился, что, казалось, забыл о ней. Инга почему-то думала, что он обойдет машину, откроет дверь, но нет, его как магнитом тянуло к вывеске, на двух цепях висевшей над входом в ресторан. Он пятился как-то боком, поглядывая на свой автомобиль, в нетерпеливом ожидании, когда Инга выйдет из него. Девушка решила не вредничать и сама выбралась из машины. Но недовольство свое выразила, плотно сомкнув губы.

Антон с пульта закрыл машину, взял Ингу под руку и чуть ли не силой завел в ресторан.

– Мы куда-то торопимся? – капризно спросила она.

Но Антон, казалось, не слышал; он торопливо тянул ее за руку, пока они не оказались в зале. Он тяжело дышал, широко раздувая ноздри, то ли от физической усталости, что вряд ли, то ли какие-то переживания давили на него.

Зал был выполнен в античном стиле. Рельефный потолок с растительным орнаментом, круглые с капителями колонны, стены в полоску с постепенным переходом от светлых тонов к более темным, полы с мозаичной кладкой, вазы на постаментах с ножками в форме львиных лап, скульптуры древнегреческих богов, столики под мрамор, удобные кресла. Официанты в обычных, отнюдь не фольклорных костюмах, музыка привычная, англо-американская, но все равно древнегреческий дух здесь присутствовал...

– Не знала, что ты предпочитаешь греческую кухню, – сказала Инга.

Ей самой пришлось отодвинуть кресло, чтобы сесть за столик, а ведь Антон должен был ухаживать за ней. Но нет, все его внимание было приковано к столику неподалеку, за которым уютно разместилась сладкая парочка – парень лет двадцати, девушка примерно одного с ним возраста. Они о чем-то разговаривали, совершенно не обращая внимания на любопытствующего Антона. И это, казалось, злило его.

– Что? – встрепенувшись, спросил он.

И посмотрел на Ингу так, будто впервые видел ее.

– Очнулся? – насмешливо спросила она. – Или еще не совсем?

– Ну да... – вменяемо кивнул он.

– Кто это? – Инга движением головы показала на парочку по соседству.

– Не знаю, – совсем не убедительно ответил он.

И в это время девушка заметила его, и ее брови удивленно приподнялись. Не ожидала она увидеть Антона здесь, да еще с девушкой. Именно это и прочла Инга в ее недоуменном взгляде.

– Ну ты и фрукт, – язвительно и с обидой в голосе сказала она, обращаясь к Антону. – Так бы сразу и сказал, что я тебе для декорации нужна. А то – прощание с летом... С подружкой своей прощаешься, да?

Ингу так и подмывало встать с гордо поднятой головой и уйти, одарив Антона на прощание уничижительным взглядом. Как он мог пригласить ее в ресторан, чтобы вызвать ревность у своей бывшей девушки? А разве не для этого она здесь?

Но Инга осталась на месте. Во-первых, Антона можно было понять: он же не претендовал на роль ее парня, хотя бы потому, что приходился ей двоюродным братом. Да и она сама не имела на него никаких видов. Поэтому обижаться можно было только из-за того, что у него не хватило ума предупредить ее о сложностях своего положения, о рогах, которыми некто украсил ему голову. А во-вторых, Инге понравилось, как смотрит на нее виновница его бед и страданий.

Надо признать, что у Антона был вкус. Девушка, которую он потерял, стоила того, чтобы биться за нее. Черты лица, может, и не самые красивые, но глаза восхитительны даже на женский взгляд. Большие, выразительные, будто светящиеся изнутри, и цвет светло-изумрудный. Такие глаза вызывают восхищение и зависть. Прическа средней длины, густые каштановые волосы, прямая челка, ровно подстриженная на уровне бровей, грамотный макияж, пухлые,

вишневого цвета и сочности губы, нежная чистая кожа лица и шеи. Простое модное платье синего цвета, стильная бижутерия без всяких излишеств. Красивая шея, высокая грудь, тонкие руки, длинные пальцы, завидная талия... Эта девушка знала себе цену.

Так не бывает, чтобы женщина, бросив мужчину, совершенно забыла о нем. Она может остыть в своих чувствах, но всегда будет думать о нем как о своей пусть и потерянной, но собственности. Брошенному мужчине достаточно напомнить о себе, показаться на глаза своей бывшей с новой женщиной, чтобы у нее включился рефлекс хищницы. «Не мое, но и отдавать не хочу!» Именно эта фраза читалась в глазах девушки, и обращена она была к Инге.

– И как ее зовут?

– Вика, – не отрывая глаз от девушки, ответил Антон.

– Мог бы и предупредить... Да не смотри ты на нее так, как будто тебя месяц не кормили. Ты ее глазами пожираешь, а она кайф от этого ловит, неужели не ясно?

И как будто в подтверждение этих слов девушка ликующе взглянула на Ингу. Она видела, как смотрел на нее Антон, и понимала, насколько сильны его чувства. И своим торжествующим взглядом давала понять, что Инге ничего с ним не светит... Только радость эта была эгоистичной. Вике нравилось, что Антон убивается по ней, но ей вовсе не хотелось возвращаться к нему. Ни к чему ей прошлое, когда парень из настоящего устраивал ее больше. И глядя на него, Инга понимала почему.

Так же, как и Вика, он сидел боком, и она могла видеть его в профиль. Черные волосы, короткая прическа, высокий лоб, резко выраженные надбровья, нос орлиный, с горбинкой, хорошо сбалансированный с линией глаз и рта, четко очерченные губы, сильные скулы, выдающийся подбородок. Разговаривая с Викой, он улыбался – мягко, спокойно и так естественно, как будто улыбка никогда не сходила с его лица. Верней, полуулыбка или даже четверть улыбки, но выглядела она такой яркой и обаятельной, что Инга невольно прониклась к парню симпатией.

Заметив ее заинтересованный взгляд, он повернулся и посмотрел на нее с расслабленным, благодушным интересом. Четверть его улыбки не стала ярче, потому что мысленно он оставался с Викой. Инга видела, что понравилась ему, но скорее в эстетическом, нежели в чувственном плане. Он как будто сфотографировал ее, сразу же засунув ее образ в дальний архив, душой же ни на йоту не отодвинулся от своей девушки. Отвернувшись от Инги, он совершенно забыл о ней.

Глава 2

Парень был хорош собой. Глаза небольшие, но глубокие, живые, энергичные, темно-синего цвета, зрачки черные, как втягивающая бездна. Худощавый, поджарый, руки по-мужски крепкие, ноги длинные, сильные. И уровень тестостерона бьет через край... На нем простая, без всяких вычурностей футболка с длинным рукавом, джинсы далеко не самые дорогие, туфли так себе, но в этой одежде он смотрелся столь же представительно, как французский король в горностаевой мантии.

Если захотеть, можно было найти изъяны в его внешности, но Инга вовсе не желала их искать. Ее впечатлила мужественность, которой, казалось, была пронизана каждая клеточка его тела. А его недоступность просто завораживала. Глядя на то, как он улыбается Вике, она понимала, что ему никто, кроме нее, не нужен. И при всем своем желании Инга не сможет составить ей конкуренцию. А желание возникло. И очень сильное желание. И парень ей нравился – это разыграли в ней вдруг первобытные инстинкты...

– Да я и сам понимаю, что не надо на нее смотреть, – сникшим голосом сказал Антон. – Но глаза не слушаются...

– А ты заставь себя, – посоветовала Инга.

И снова посмотрела на Викиного парня. Но уже равнодушно, скользяще быстро, чтобы он не смог перехватить взгляд... Но тот даже не заметил, как он мало для Инги значит, как низко она решила уронить его в собственных глазах...

Инга пренебрежительно скользнула по нему взглядом раз, другой, но никакого результата. Хотя бы разок посмотрел на нее из приличия.

– А можно, я тебя поцелую? – спросил Антон и, не дожидаясь ответа, суматошно потянулся к ней через стол.

Инга инстинктивно уклонилась, и его губы прошли мимо, едва коснувшись ее щеки. Но тут она решила, что имитация любовного поцелуя не будет лишней: пусть Викин парень видит, что прав у него на нее никогда не будет. Но к Антону она потянулась, когда он уже отводил от нее голову. Останавливаться он не стал, и она промазала, поймав губами только воздух. Но вот Антон спохватился, снова потянулся к ней, но уже она убрала голову... Со стороны могло показаться, что целоваться пытаются двое слепцов, по запаху пытаясь нащупать губы друг друга. Глупо, смешно, нелепо...

Чувствуя, что краснеет, Инга глянула на Викиного парня. К счастью, тот так был занят своей девушкой, что ничего вокруг не замечал. Или к несчастью... Да и Вика ничего не видела, потому что всецело была увлечена им. Ну, ее-то можно понять...

– Мне здесь не нравится, – с чувством досады сказала Инга.

Но из-за стола подняться не решилась.

– Э-э, мне, если честно, тоже, – уныло кивнул Антон.

И он тоже не спешил уходить. Вика крепко держала его на невидимой привязи.

К тому же официант подал салат из морепродуктов и греческий бренди. Затем последовала мусака, блюдо из баклажанов и баранины; рисоли, котлетки-пирожки с овощами; фаршированные помидоры, горячие колбаски под соусом цацики.

– А не жирно? – спросила Инга, глядя на большую тарелку с мусакой.

Явно не самый диетический продукт, а порция такая огромная, что ей одной хватило бы на всю неделю.

– Не забывай, Греция – родина Геракла, – с тоской глянув на Вику, натянуто улыбнулся Антон. – А он, как известно, был большой любитель набить брюхо.

– Кому известно?

– Мне известно...

– А Викиному парню это известно?

– Да без разницы, знает он это или нет. Все равно кошелек у него, как у простого смертного...

Инга тоже заметила, что его соперник не мог позволить себе роскошный стол. Бутылка вина, две тарелки с остатками какого-то блюда – вот и все богатство, которым он мог похвастаться. Но дело в том, что ни его, ни Вику не интересовала еда. И вино они пили понемногу, маленькими глотками. Скорее всего, эта скромность из экономии, но при этом им, казалось, вполне хватало того, что они пьянели друг от друга. Инга с завистью посматривала на них.

Антон же хотел, чтобы Вика в том же духе посматривала на Ингу. Какой парень, какой стол... Но Вика даже не глядела в их сторону.

– А у тебя какой кошелек? – раздраженно спросила Инга.

Мужчина должен был состоятельным – это важнейший критерий его успеха у женщин. Но все-таки это не самое главное. Может, Викин избранник уступает по своим финансовым возможностям тому же Антону, но Инга не отказалась бы занять ее место.

– У меня все «хоккей». Я в прошлом году юридический отдел возглавлял, знаешь, какую премию по итогам года получил? Три миллиона! – хвастливо заявил Антон и глянул на Вику в надежде, что она услышит и оценит его успех.

– Долларов?

– Ну почему долларов? – слегка смутился он. – Мы же в России живем, у нас рубли, а не доллары... А в июне меня заместителем управляющего назначили. По итогам этого года миллионов пять получу. Да и зарплата у меня пятнадцать тысяч...

– Рублей?

– Опять не угадала. Долларов.

– Ну, мы же в России живем, – напомнила ему Инга.

– А разве Россия – не свободная страна? – засмеялся Антон. – Как хотим, так и считаем.

Он снова глянул на Вику: хотел, чтобы она оценила его остроумие, но та влюбленно смотрела на своего парня и ничего вокруг не замечала.

– В этом году я уже не успею, но в следующем точно поступлю в высшую школу управления, – продолжал уязвленный ее равнодушием Антон. – Может, сам управляющим когда-нибудь стану. Я уже даже акции своего банка скупать начал...

Он разговаривал с Ингой, но мысленно обращался к Вике. Как же он хотел, чтобы она его услышала. Но увы...

– И далеко до контрольного пакета?

– Шутишь? Мне хотя бы один процент для начала набрать.

– Один процент? Ну ты же миллионер.

– Рублевый. А наш банк о-очень дорого стоит...

– А Вика сколько стоит?

Антон вздрогнул, дернув головой. Это он свалился с финансовых небес на землю, где его любимой девушкой владел другой мужчина.

– Это ты зачем спросила? – угрюмо глянул он на Ингу.

– А зачем ты меня сюда привел? Давай, колись, что это за мисс такая?

– Я же сказал, Вика ее зовут.

– А ее парня?

– Чего не знаю, того не знаю... Она мне вчера позвонила, сказала, извини, лето прошло, любовь улетает в теплые края...

– А как зовут ее теплые края, не сказала?

– Это мне совсем не интересно. Лучше бы мне вообще не знать этого козла, – сквозь зубы сказал Антон.

– Козел на то и козел, чтобы жрать чужую капусту...

– Интересно мыслишь. Только мне совсем не до шуток. Вика первая из всех моих девушек, на ком я хотел бы жениться.

– Но она этого не оценила.

– Как видишь, нет... И где она откопала этого придурка?

– Его можно назвать кем угодно, но только не придурком, – покачала головой Инга.

Викин парень не производил впечатления великого мыслителя современности, а уж древности тем более. Но его уверенное поведение, может, не безупречные, но четко выверенные манеры держались на прочной платформе житейской мудрости. Инга интуитивно догадывалась, что парень этот на своем веку повидал немало. Похоже, он был из тех людей, что, нахлебавшись ледяной водицы, научились плыть против течения и приставать к берегу – и не к отправному, а к следующему этапу на жизненном пути... Она могла заблуждаться в своих суждениях, но ведь пока у нее нет возможности заглянуть в душу к этому парню, изучить его изнутри. Нет возможности и, скорее всего, не будет...

Инга подумала, что неплохо было бы позвонить Игорю. Еще горячи ее чувства к нему, и хотя она решила вычеркнуть его из своей жизни, его теплые слова успокоят ее, заставят забыть этот сумасшедший эпизод с Викиным парнем. А ведь она раздражена, даже обозлена из-за того, что он ее не замечает. Это ли не признак надвигающегося безумия?

– Но ведь она его откопала, – уныло подчеркнул Антон.

– Почему откопала? Он не похож на какой-нибудь артефакт. Вполне современный парень.

– И молодой... Знаешь, я не кровожадный, но я хотел бы, чтобы он умер молодым, – с нервозностью в голосе заявил вдруг Антон.

– Я даже не знаю, что тебе сказать, братец, – иронично сощурившись, посмотрела на него Инга. – То ты нюни распускаешь, то сотрясаешь воздух глупыми пророчествами. Ты же умный человек, ты должен понимать, что ничего так просто не делается. Не умрет он сам по себе...

– Так я ему помогу! – распалился Антон.

– Bravo! Ты делаешь успехи... А ты не пробовал просто морду ему набить?

– Э-э, что, так просто подойти и набить? – спросил он, в растерянности приложив ладонь к щеке.

– Подойди, попроси выйти на пару минут. Что, не знаешь, как это делается?

– Э-э... Я не думаю, что это поможет решить проблему...

Антон выстраивал стену из отговорок, за которой собирался спрятаться от смелого мужского поступка. Впрочем, ничего другого Инга от него и не ожидала. Не той он породы, чтобы биться за девушку на кулаках. Слишком интеллигентный для этого, мягкотелый... Может, потому Вика и предпочла ему грубого, насыщенного тестостероном самца. И надо сказать, Инга ее понимала.

– Ну, набью я ему морду, и что? – разглагольствовал Антон. – В лучшем случае Вика назовет меня идиотом. А в худшем – меня заберут в милицию за нанесение телесных повреждений. Я, между прочим, юрист, я знаю, что за это бывает...

– Не бойся, ничего тебе за это не будет. Ты просто не сможешь набить ему морду, – поддела его Инга.

– Да? Ты в этом уверена? – задетый за живое, начал закипать он. – У меня, между прочим, коричневый пояс по карате.

– «Между прочим»! – передразнила она его. – Сказать, где это «между прочим» у мужиков болтается?

Инга не верила, что Антон способен на поступок. И еще больше сомневалась в том, что у него хватит силы взять верх над соперником. Но все-таки была надежда, что Антон преодолет свой страх, вспомнит, чему его учили в секции карате, и устроит Викиному парню показательную трепку.

– Женщины любят, когда мужчины побеждают ради них... Ты симпатичный и успешный парень; но, видно, Вике нужен самец, который может и банан с пальмы достать, и от обезьян защитить... Мы, женщины, существа меркантильные, но мы все еще слышим голос джунглей. И даже иногда ведемся на него... Вика нашла себе самца, за которым чувствует себя, как за каменной стеной. Но если ты сломаешь эту стену, она станет твоим трофеем. Вернее, захочет им стать...

– Ты меня пугаешь, – Антон напряженно смотрел на Ингу.

– Чем?

– Тем, что сравниваешь мужчин с самцами, а женщин с самками.

– Все мы родом из джунглей. Только боимся себе в этом признаться. И прячемся от своей природы за лоском цивилизации...

– Да, я знаю, человек состоит из двух сущностей: человеческой и животной; первая должна подавлять вторую, но это не всегда получается...

– Поэтому твоя Вика из двух мужчин выбрала более сильного.

– Сильного, но уродо.

– Напрасно ты так, – покачала головой Инга. – Он очень даже симпатичный. Просто более brutальный, чем ты. Мужского начала в нем больше...

– Ты так думаешь?

– Я так вижу.

– А если я набью ему морду?

– Тогда Вика позволит тебе сорвать для нее банан.

– А вот я пойду и начищу ему физиономию!

– Только без шума, подойди к нему, отведи в сторонку...

– Не надо меня учить, я на этом деле собаку съел! – горделиво заявил Антон.

Подогретый спиртным и обидой на любимую девушку, сжав кулаки, он неуверенно направился к своему сопернику. Вика заметила его, встревоженно нахмурила брови. А когда он подошел к их столику, поднялась ему навстречу. Ее парень тоже встал, грудью развернувшись к Антону.

Инга с интересом наблюдала за сценой. Если ее брату хватит духу одолеть своего соперника, Вика может по достоинству оценить его поступок, вернуться к нему. А Инга тогда сможет познакомиться с ее парнем, утешить его.... Но вопрос в том, будет ли он ей нужен, если останется в дураках? Он, конечно, ничего себе, но его внешняя brutальность и сильное тело не будут ничего стоить, если он не сможет устоять перед Антоном...

Викин парень продолжал расслабленно улыбаться, глядя на всклоченного Антона. Ни страха в его глазах, ни растерянности.

– Вика... Вика – моя девушка! – задышавшись от эмоций, выпалил Антон.

Парень в ответ лишь пожал плечами. Дескать, любой может считать Вику своей девушкой, только так ли это на самом деле? Он был похож на скальную глыбу, на которую накатывала, не в силах ее сокрушить, морская волна. Антон тянул к нему руки, но так и не решился схватить его за грудки. Страшно ему: понял он, что не с тем связался.

Инге и самой стало не по себе. Викин парень совершенно не боялся Антона, и ее пугала его внутренняя сила, которая и позволяла ему держаться с непоколебимым спокойствием. Ей вдруг показалось, что сейчас он достанет из кармана нож и с потрясающим хладнокровием всадит его Антону в брюхо. И виновата в этом будет Инга: она же спровоцировала брата на этот псевдогеройский поступок. И что потом она скажет отцу, если случится трагедия?

Она тоже поднялась из-за стола, направилась к Антону, чтобы остановить его.

– Антон, я тебе, кажется, сказала, что между нами все кончено! – попыталась вразумить его Вика. – Теперь я с Кириллом, и ты должен это понять.

– А вот не хочу понимать! – шагнув к ней, на повышенных тонах сказал он.

И не глядя на своего соперника, кивком головы показал ему, чтобы он вышел.

Кирилл, невозмутимо пожав плечами, неторопливо последовал за ним. Хоть бы одна черточка дрогнула на его непроницаемо-спокойном лице.

Инга попыталась его остановить, протянула к нему руку, но даже не коснулась.

– Не надо.

И на ее слова он тоже не отреагировал. С застывшей улыбкой на губах продолжил путь.

– Ну а ты чего стоишь? – набросилась она на Вику. – Из-за тебя же они сцепились, ты должна их остановить.

– Из-за меня, – не без злорадства посмотрела на нее девушка. – Не из-за тебя же...

– Только злить меня не надо, ладно? – хищно сощурилась Инга.

Она не любила, когда ее оскорбляют, и всегда умела постоять за себя. И язык у нее не из дуба выточен, и руки не под кактус заточены. С четырнадцати лет теннисом занималась; больших высот, увы, не добилась – до Шараповой, как до Марса, но если влепит пощечину, мало не покажется...

– А то что? – Вика прямо уперла руки в боки.

Инга с удовольствием отметила, что ей хватает ума не дать втянуть себя в брызжущие слюной словесные дразги.

– Ты дура или притворяешься?.. Антон по уши в тебя влюблен, а ты хвостом крутишь... Кто этот Кирилл, а кто Антон!

– Кто? – заинтригованно посмотрела на нее Вика.

– Зам управляющего банком. Через несколько лет сам управляющим станет. У него уже сейчас зарплата четыреста тысяч, и премия пять миллионов...

– Вот и пользуйся! – нервно выпалила девушка и, немного подумав, снисходительно добавила: – Если сможешь.

– В том то и дело, что не смогу... Он тебя любит. Ты для него – все... А я для него так... запасной вариант.

– Он тебе сам это сказал?

– Ума не приложу, как он такую дуру любит? – пренебрежительно скривилась Инга. – Зачем ему это говорить, если я сама все вижу? И меня он сюда привел, чтобы тебя позлить...

– Зря старается! – не очень уверенно заявила Вика.

– А это ты ему скажешь, ладно?

Разговор на этом и закончился. В зал широкой походкой, с видом победителя входил Антон. Нос гордо задран кверху, плечи расправлены. Глядя на него, Инга бы не удивилась, если бы Кирилл имел жалкий вид. Но нет, тот возвращался к Вике в обычной своей расслаблено-снисходительной манере. Ни синяка под глазом, ни разбитых губ.

Кирилл шел к своему столику, Антон к своему. Инге ничего не оставалось, как присоединиться к своему кавалеру. На Вику она махнула рукой, на ее парня глянула с подозрением. Как же так – и он цел, и Антон сыт? Или наоборот?

Антон сначала наполнил бокалы, только затем сел за стол. Выпил, не дожидаясь, когда Инга присоединится к нему.

– Я у него спрашиваю, какого черта ты к моей девушке лезешь? – тяжело дыша, сказал он. – А он стоит, смотрит на меня... Хоть бы слово в ответ сказал... Испугался, придурок!

Заняв свое место, Инга посмотрела на Кирилла, который подзывал к себе официантку. Не было в нем страха. Но ведь он собирался рассчитаться за ужин, значит, уходил.

– А почему тогда с Викой он, а не ты?

– Это пока... Он понял, с кем имеет дело. Завтра он позвонит ей, скажет, что любовь прошла...

– Сомневаюсь.

Кирилл не стал ждать, когда официантка принесет счет. Похоже, он спросил у нее примерную сумму и, получив ответ, полез в карман за деньгами. Судя по тому, как улыбнулась ему девушка, на чаевые он не поспешил.

– А ты не сомневайся! – мотнул головой Антон, глядя, как Вика берет Кирилла под руку. Они уходили из ресторана вместе. И не похоже, что их любовь прошла.

– Видишь, страшно ему стало... – глядя им вслед, презрительно скривился Антон. Он все еще никак не мог отдышаться. – Боится, что в следующий раз я не сдержусь...

– А в этот раз сдержался? – усмехнулась Инга.

Не верила она брату. Да и не хотела верить. Как не хотела разочаровываться в Кирилле. Ей нравился этот парень, и не так уж важно, что ей с ним ничего не светит. Да и не увидит она его больше... Разве что Вика позовет ее и Антона на свою свадьбу, что, конечно же, из области фантастики.

– Да людей в холле много было. Я ему говорю, давай на улицу выйдем, а у него жим-жим, страшно... Говорю, еще раз увижу с Викой, убью.

– Но ты же видел, как он с ней уходил.

– Поэтому и убью! – в бессильной злобе сжал кулаки Антон.

– Мне почему-то кажется, что Вика для тебя не совсем потеряна. Мне кажется, она понимает, что ты лучше, – сказала Инга.

Ей вовсе не интересно было утешать брата, но ее вдруг осенило, что нужно разлучить Вику с Кириллом. Если она вернется к Антону, то ее нынешний парень останется один. Пусть он окажется неудачником, но Ингу это не очень расстроит. И она обязательно что-нибудь придумает, чтобы прибрать брошенного Кирилла к рукам.

– Тебе так кажется или она сама тебе это сказала? – встрепенулся Антон.

Инга усмехнулась. Абсурдные мысли, абсурдные ожидания. Словом, полный абсурд в голове... Неужели она действительно сходит с ума?

– Она и рыбку хочет съесть, и хвостом крутнуть, – язвительно скривила губы Инга. – Но рыбку все-таки хочет больше. Золотую рыбку... Если ты такой богатый, купи ей машину. И она твоя. Ну, может быть...

Инга задумалась. Если бы у нее был выбор – новая иномарка или Кирилл, что бы она выбрала?.. Меркантильность ей не чужда, что есть, то есть. Но все-таки Кирилл предпочтительней...

– А если она примет подарок, а ко мне не вернется?.. – в тягостном раздумье спросил Антон.

– Забудь, – отмахнулась от него Инга.

– Да нет, вариант интересный, – мотнул он головой. – Машину я куплю, только на нее оформлять не стану. Вот если она замуж согласится...

– Я сказала, забудь.

Инга устало провела рукой по лбу. Не дело она затеяла, глупостями занимается. Кто такой этот Кирилл, чтобы она бегала за ним, как дура, плела интриги, натравливала людей на него, на Вику?..

В сумочке зазвонил телефон, на дисплее которого высветилось «Игорь». Ну вот, а она сама собиралась ему звонить. Она ждала от него утешительных слов, а он просто по ней соскучился. Потому что есть у него к ней чувства. Потому что она достойна быть любимой...

Она повертела в руках звонящий телефон и нажала на кнопку сброса. Игорь – это вчерашний день. Слишком с ним все сложно, чтобы снова впускать его в свою жизнь. Она решила забыть его, и она сдержит свое слово. Она сильная и никому не позволит сломать себе жизнь. И Кирилл пусть идет к черту! Может, он и смог заморочить ей голову, но это временное наваждение. Завтра же она и думать забудет о нем. И телефон Антона заблокирует, чтобы он больше не звонил ей, не выкручивал мозг своей Викой...

Глава 3

Падающий голубь когтями зацепился за подоконник, судорожно размахивая крыльями, кое-как удержался на нем. Вид у него взъерошенный, непонимающий. Как будто с крыши его сбросили, а он не готов был к такому безобразию, поэтому и растерялся, не смог плавно приземлиться. Но вот он все-таки забрался на подоконник, уместился на нем, сложил крылья, вжал голову.

Повезло голубю: смог выкарабкаться. Что ж, Инга тоже попробует выпутаться из истории, которую навязала ей «англичанка». Надо же додуматься, писать сочинение «Как я провела лето», и не на русском, а на английском! Как будто не школа у них, а гимназия с лингвистическим уклоном. Совсем училка свихнулась. А ведь молодая еще, год всего, как институт закончила. Сама толком ничего не знает, а уже головы людям засоряет.

– Анжела... Евгеньевна, а вы на какую разведку работаете? – с невероятно серьезным видом и на русском спросил Костя.

«Англичанка» не очень хороша собой. Кудряшки какие-то на голове, лицо узкое, цепкие глазки за прямоугольниками очков. Нос короткий, но непропорционально широкий, губы, правда, красивые, сочно накрашенные. Кожа чистая, матовая, с мягким ровным загаром. Худенькая, стан, что называется, гибкий, но грудь плоская и ноги коротковатые... Но ребята на нее все-таки заглядываются. Хотя это и понятно. Голубая мечта школьного недоросля – соблазнить свою учительницу, сделать ее «жалким подобием правой руки», а потом растрезвонить об этом на всю ивановскую. Правда, Анжела в школе романы не крутит, даже физруку в руки не дается, хотя тот и не прочь поставить ей мат в малом спортзале.

– На английскую, – стараясь казаться невозмутимой, отозвалась учительница.

Костя не пытался соблазнить «англичанку». Он хотел обратить на себя внимание Инги, поэтому и начал этот разговор.

– Я так и понял. Мне отец рассказывал, что раньше такие сочинения для КГБ писали, чтобы те знали, кто куда выезжал, с кем встречался... Вы не подскажете мне, что мне для вашей разведки написать?

Костя вытянулся за лето, в плечах раздался, и голос еще гуще стал, басовитей. Крепкий парень, высокий, легкая щетинка на щеках – видно, что уже всюю бреется. Черты лица правильные, но какие-то еще не совсем оформившиеся, размытые, что ли. И прыщи на скулах... Сыроват он еще для мужчины. И уж точно никакого сравнения с Игорем. Не говоря уже о Кирилле...

– Это я твоему отцу расскажу. Он мне про КГБ поведаст, а я ему про свою английскую разведку. И заодно двойку твою покажу.

– Какую двойку? – беспомощно возмутился Костя.

– Которую ты за сочинение получишь... А ты ее получишь, если не успокоишься.

«Англичанка» умыла его, и он сконфуженно захлопал глазами, глядя на Ингу. Но поддержки от нее не получил.

– Тебе сказали, успокойся, – тихо сказала она.

Костя сидел за одним с ней столом, и она могла ткнуть его локтем в бок. Но делать этого не стала, потому что парень мог решить, что это подбадривающий жест с ее стороны. А она не хотела поощрять его. Учиться не хотелось, но сочинение писать надо, и не столько для Анжелы, сколько для себя. Ведь не для галочки же она в школу ходит, а чтобы знания получать и оценки в аттестат.

Антон хорошо учился в школе, с отличием закончил университет и какую карьеру себе сделал – двадцать восемь лет ему всего, а он уже зам управляющего солидным банком. На одну

только премию новенький внедорожник «Порше» можно купить, а если еще зарплату за год добавить, то и квартиру в элитном доме...

Антон звонил вчера, спрашивал, какую машину лучше всего подарить девушке, но в пределах пятисот-шестисот тысяч. А ведь Инга собиралась заблокировать его телефон, но не смогла этого сделать: ей было интересно, чем закончится эта история с Викой. И все потому, что Кирилл продолжал держать ее под впечатлением. Нет, не страдала, не сохла по нему, сопли по блогам не размазывала, и сердце не рвалось из груди, когда думала о нем. А она и думала, и жалела, что не она с ним, а другая. Вчера была на тренировке, домой вернулась выжата, как мочалка, но и это не смогло заглушить в ней сожаление. А еще она мысленно взывала к своей сопернице, когда сразу после душа встала в полный рост перед зеркалом. Какой бы хорошенькой ни была Вика, но у Инги внешность и фигура лучше. Жаль, что Кирилл даже не пытается их сравнивать...

Инга потрянула головой, разгоняя непрошенные мысли. Урок уже идет, времени мало, а дело еще не сделано. Сосредоточиться надо, собраться с мыслями... Как я провела лето? Спортивные сборы в Подмосковье, два турнира столичного масштаба, маленькие победы и большие разочарования. Вроде бы и умеет Инга играть в теннис, и все данные для успеха есть, и удар мощный, но что-то мешает ей достичь тех высот, откуда начинается путь к уимблдонским вершинам. Но писать о неудачах не надо. Пусть Анжела думает, что спорт для нее всего лишь хобби. Она и сама считает, что теннис для нее развлечение, но давать печальную статистику поражений... нет уж, увольте.

В августе у нее был красивый курортный роман. Но это сугубо личное, и Анжеле об этом лучше не знать. И английской разведке тоже...

И о Кирилле писать тоже не стоит. Хотя бы потому, что Инга ничего о нем не знает...

В раздумье покусывая кончик авторучки, она рассеянно смотрела на дверь. И когда та вдруг открылась, крепко зажмурила глаза. Вроде бы травку с утра не курила, кокаин не нюхала, откуда тогда галлюцинации?

В класс входил Кирилл. В той же футболке, в которой он был в ресторане, в тех же джинсах. Та же расслабленная улыбка на губах... Надо же довести себя до такого состояния, что ум за разум заходит!

Инга открыла глаза, но Кирилл не исчез. С фирменной своей улыбкой он смотрел на оторопевшую Анжелу и, приложив палец к губам, легким пружинистым шагом шел к свободному месту за первым столом возле окна. «Англичанка» потеряла дар речи от такой наглости. Да и без этого она не смогла бы остановить его, потому что боялась нарушить тишину, это редчайшее явление для одиннадцатого «Б» класса. Народ перебирает в памяти приятные моменты прошедшего лета, поэтому не до разговоров. И знал бы кто, что именно такой момент для Инги пришел к ней сейчас на своих двоих...

А может, все-таки это галлюцинация? Не может быть так тихо, когда в классе появляется новичок. Тот же Костя обязательно вставил бы свои пять копеек. Но Солодков молчит, опустив голову... Но тот же Юра Хмелев, самый здоровый парень в классе, задира и лоботряс, тупо пялится на Кирилла. И не слышно его знаменитого «что за дела?». Может, потому что новичок произвел на него впечатление? Кирилл на полголовы ниже Юры и в плечах значительно уже, но выглядел он при этом очень внушительно. При внешней улыбчивости в нем чувствовалась внутренняя жесткость, грубость и заматерелость. На поверхности глаз – чугунная прочность, а в глубине – огонь доменной печи. Движения мягкие, но при этом уверенные и стремительные...

Место в первом ряду сразу возле учительского стола считалось, мягко говоря, непрестижным. Возможно, Кирилл этого не знал, а может, ему было все равно, где сидеть. Казалось, такие мелочи, как школьные условности, выше него... А ведь действительно так казалось. И, похоже, не только Инге. Весь класс завороченно смотрел на новичка, но никто не решился осудить

его уничижительным «У-у-у!». Кирилл выглядел на двадцать лет и держался как взрослый и, главное, настоящий мужчина. Легко держался и непринужденно...

И даже Анжела внутренне завибрировала, разглядев его как следует. Подошла к нему, недопустимо низко склонилась, едва не касаясь завитками своих волос его уха, что-то сказала ему. Он тихонько ей ответил, говорил долго, минуты две. Анжела слушала его, не разгибаясь. Но вот Анжела что-то шепнула ему, и он пересел на соседний стул, освободив для нее место.

Клац!.. Инга вздрогнула от звука, который сама же и произвела. Это ручка сломалась в ее пальцах, перед самым носом. От нервного напряжения и не заметила, как перегнула ее...

Костя заметил, что она осталась без авторучки, полез в свою сумку, нашел замену, протянул ей. Хотел угодить, но не вышло. Инга взяла ручку, но благодарить не стала. Напротив, мысленно послала его к черту.

Ведь она тоже сидела в первом ряду, за третьим с начала столом. Если бы Костя не подсел к ней сегодня, место справа от нее оказалось бы свободным. И тогда бы Кирилл сел рядом с ней. И она бы сейчас разговаривала с ним, а не Анжела. Учительница называется! Ведет себя как та сучка, учуявшая кобеля. А сидит как! Задницу в промежутке между спинкой и сиденьем стула впихнула, спину дугой выгнула, чтобы соблазнительную линию создать. Что-то шепчет на ухо Кириллу, бесстыдно касаясь его плечом. И он ей что-то тихонько говорит. Правая рука у него раскрепощена, и он, кажется, не прочь обнять Анжелу за талию, чего она только и ждет...

– Встреча с резидентом? – оглушив саму себя, резко спросила Инга. – Юстас передает Алексу или наоборот?

Костя, казалось, этого только и ждал. Кончиком своей авторучки он принялся настукивать азбуку Морзе по столу, голосом изображая попискивание рации.

Тут же подключился и Вася Долголес:

– Туу-ту-ту-туу-ту... Грибова потеряла девственность... Ту-туу-ту-ту... А девственность потеряла Панарину...

Бум!.. Бум!.. Ирка Грибова треснула его учебником с одной стороны, Лиза Панарина – с другой.

Класс загудел, как разбуженный улей. Но Анжела не была бы учительницей, если бы не попыталась исправить ситуацию.

– Золотарева! – встав у доски, звонко выстрелила она. – Солодков!.. Долголес!..

Костя даже не шелохнулся. Вася заерзал на пятой точке опоры, но, глянув на Ингу, остался на месте. А ведь хотел подняться, чтобы Анжелу не злить. С английским у него всегда было плохо, и ссориться с ней он не очень хотел.

– Что Золотарева?

Выждав момент, с чувством собственного достоинства Инга поднялась со своего места. Только тогда оторвался от стула Костя. Опередив его, вытянулся в струнку и Вася.

Инга могла бы остаться на месте, и Анжела ничего бы с ней не сделала. С английским у нее без проблем, так что за хорошие оценки можно не беспокоиться. И время сейчас не то, чтобы выдергивать учеников из-за столов, как будто они какие-то солдаты. Сейчас все решает добрая воля: уважаешь учительницу – поднимешься, нет – мысленно пошлешь ее куда подальше и останешься сидеть. Пусть тогда хоть директору жалуются, хоть в РОНО, все равно ничего, кроме пустого сотрясения воздуха, не будет.

Но Инга поднялась со своего места. И все из-за Кирилла. Ей хотелось, чтобы он ее заметил... Но сама она при этом на него даже не глянула. Чтобы не задавался... В душе приятно звенела лирическая струна. Кирилл рядом с ней, через какую-то одну парту, и она еще успеет на него наглядеться... Неужели все это не сон?

– Золотарева, ты срываешь урок! – заявила Анжела.

– Я бы вам поверила, Анжела... Евгеньевна, если бы в первом классе училась. Но мы же в одиннадцатом учимся. Так что не надо маленьких дурить. Это не я посреди урока в класс заявила. И не со мной вы там шушукались...

Инга умела играть на публику, поэтому ей не сложно было адресовать Кириллу пренебрежительный взгляд. Дескать, какой-то новичок.

– Э-э... Это новый ученик... – всполошенно засуетилась «англичанка». – Зовут его Кирилл... Фамилия... Фамилию он сам скажет?

– Мускатов моя фамилия, – непринужденно сказал Кирилл, неторопливо поднявшись со своего места. – Родился, вырос, пришел к вам.

– Чего же боле? – сострил Костя. – Э-э, извините Анжела... Евгеньевна, это из другой оперы...

Но Кирилл даже не глянул на него. Сквозь ироничный прищур, из самой глубины своих глаз он смотрел на Ингу. И так смотрел, что девушка таяла изнутри. Но все-таки ей удалось сохранить ледышки в своем взгляде, обращенном к «англичанке». На Кирилла она как бы и не смотрела, хотя и наблюдала за ним боковым зрением.

– Ну почему же из другой? – осадила его Анжела Евгеньевна. – Можешь перевести «Онегина» на английский язык.

– Я вас люблю, чего же боле?

– По-английски, Солодков, по-английски.

– Не могу. Потому что не в шутку занемог. От любви к вам, Анжела... Татьяна... Нет, Анжела...

– Занемог... Еще бы уважать себя заставил, – съязвила «англичанка». – Садись, Солодков.

– Если бы вы знали, с кем я лето провел, вы бы меня зауважали...

Костя уже сидел, опустился на стул и Вася. Но Инга продолжала стоять, как замороженная. И Кирилл оставался на ногах, спокойным уверенным взглядом рассматривая своих новых одноклассников. Ни грамма смущения в глазах, и лицо непроницаемое. Правда, и взгляд он ни на ком не задерживал. За исключением Инги. Она заинтересовала его больше всех, и ей приходилось держать себя в узде, чтобы восторженная улыбка не выступила на губах. Во что бы то ни стало она должна была изображать равнодушие к этому парню.

– Вот и напиши, с кем ты провел лето. Напиши, но в гордом одиночестве. А ты, Золотарева, пересядь к Мускатову. У тебя с английским отлично, а у него, как я поняла, не все хорошо.

От волнения у Инги слегка онемели ноги, похолодели кончики пальцев рук. Не думала она, что удача улыбнется ей сразу. Сидеть за одной партой с Кириллом, помогать ему – такое начало как минимум обнадеживало.

Но природная вредность взяла свое.

– Да уж, сейчас, только ласты подкрашу.

Изобразив небрежную улыбку, она села на свое прежнее место. Не глядя на Кирилла, скрестила руки на груди.

– Золотарева! – беспомощно нахмурилась «англичанка».

Но Инга даже бровью не повела.

Она понимала, что сваляла дурака. Прими она приглашение, сидела бы сейчас рядом с Кириллом, говорила бы с ним, и не только об английском. И сочинение бы писать не пришлось. А так голову напрягать придется, выдумывать что-то, извращаться на чужом языке. Один урок уже заканчивается, но впереди еще один, спаренный с ним, и сочинение должно содержать не меньше ста слов. А что сможет она придумать, если голова Кириллом занята?

– Усатова! Пересядь к Мускатову! – распорядилась Анжела Евгеньевна.

Инга чуть не подскочила на месте от такой наглости. Что это за блажь такая, чтобы Ленка Усатова сидела с Кириллом! Она, конечно, ничего собой не представляет: маленькая, страшненькая, и ревновать к ней глупо, но Ингу оскорблял сам факт, что эта отличница займет ее место.

– Анжела Евгеньевна, а чего вы с этим Мускатовым как с писаной торбой носитесь? – небрежно откинувшись на спинку стула, ехидно спросила Инга. – Хмелев у нас тоже ни в зуб ногой, так вы меня к нему не сажаете!

– Да, между прочим! – заголосил Юра. – Хочу Золотареву!

– Вы его не слушайте, Анжела... Евгеньевна, – продолжала Инга. – На самом деле он Усатову хочет. И что главное, не боится в этом признаться. А вы Мускатова хотите. Но боитесь. В этом признаться... А вы не бойтесь. Так и скажите, Мускатов – мой любимчик, и я хочу...

– Золотарева! – побагровела учительница.

– Вы и меня хотите? – с издевательским удивлением спросила Инга.

Она увидела, что Усатова направляется к Мускатову, поэтому поднялась сама. Сложив руки на груди, неспешной походкой учителя, начитывающего третьеклассникам диктант, подошла к его столу, перегородила ей путь.

– Сядь на место! – задыхаясь от возмущения, потребовала «англичанка».

Она обращалась к Инге, но та переадресовала все Усатовой:

– Лена, ты слышала? Сядь на место... А вы, Анжела Евгеньевна, не стесняйтесь. Так и скажите, нравится мне Мускатов, спать сегодня не лягу, пока не прочту Сочинение о нем. Пусть он выйдет на середину класса, а мы все дружно напишем его портрет – ну, как художники, только словами, на английском, разумеется...

Усатова подавленно убралась на свое место, и на этом можно было заканчивать концерт по заявкам трудящихся, как выразился бы отец Инги.

– Я тоже хочу, чтобы меня описали! – подал голос Хмелев.

– Пожалуйста! – вальяжно-неторопливым движением руки пригласила его к доске Инга. – Только разденься.

– Зачем?.. – спросил Юра. Сам же и ответил: – А, ну да, натурщики голышом позируют.

– Вот-вот... И еще чтобы одежду не сушить, если сильно вдруг описают...

Вася заржал, как вставший на дыбы жеребец, но Юра сунул ему кулак под нос, и тот вмиг замолк.

– Все сказала? – остервенело спросила учительница, исподлобья глядя на Ингу.

– Ну, типа того.

– Тогда выйди из класса.

– Пожалуйста!

Но из класса выходить не пришлось, потому что прозвенел звонок.

– После перемены продолжаем писать сочинение, – стараясь не смотреть на Ингу, красная как роза, сказала Анжела Евгеньевна и сама покинула кабинет.

Делая над собой усилие, чтобы не расплыться в дурацкой улыбке, Инга повернулась к Кириллу. И с видимой небрежностью сказала:

– Ну вот, Мускатов, видишь, какие у нас тут из-за тебя английские страсти. Но на русском...

– Веселый у вас класс, мне нравится, – излучая уверенность в себе, поощрительно улыбнулся ей Кирилл.

– У нас. А у вас?.. Откуда ты такой взялся?

– Откуда я взялся, там меня уже нет.

– Что ж, одним придурком там стало меньше, – презрительно хмыкнула Инга и, повернувшись к Кириллу спиной, с гордо поднятой головой вышла из класса.

Она думала, что и все остальные последуют за ней, оставив Кирилла в одиночестве. Но за ней пошел только Костя. Верный, но такой надоевший хвостик.

– А он правда на придурка похож, – сказал он, чтобы угодить ей.

Но Инга с ним не согласилась. Потому что Кирилл не мог быть придурком. Скорее, она дура...

– Ты куда идешь? – осадил ее Костя.

– Ну, с тобой!

– Ты что, девочка? Я в женский туалет иду.

Она вздохнула с облегчением, когда Костя исчез. Не до него ей. Кошки на душе скребут. Не надо было оскорблять Кирилла. Но при этом она не сожалела о своем поступке. Она должна была наглубить ему, чтобы он не зазнавался и знал свое место. Есть такой неписанный закон: чем жестче женщина с мужчиной, тем он мягче с ней. Если, конечно, не переборщить.

Вернувшись в класс, она увидела Кирилла на прежнем месте. Вокруг него столпились все ребята; он что-то говорил им в расслабленно-небрежной своей манере, а они внимательно его слушали. Даже Хмелев заглядывал ему в рот. Костя стоял в сторонке, демонстрируя свою солидарность с Ингой, но тоже слушал Кирилла.

Инга обогнула толпу, не останавливаясь, села на свое место, попыталась сосредоточиться на сочинении, чтобы хоть как-то отвлечься от Кирилла. Взяла ручку и еще до того, как прозвенел звонок, составила первое предложение.

А потом появилась Анжела Евгеньевна, и Кирилл остался один. Усатова так и не решилась подсесть к нему, как будто чувствовала, что Инга этого не хочет...

Но, добившись полной тишины, «англичанка» сама села рядом с Кириллом. И снова как бы невзначай коснулась его плечом. Вроде как уровень его знаний выясняет, а сама, наверное, изнывает... Но Инга решила не обращать на нее внимания. И без того наговорила кучу гадостей и ей, и Кириллу. Пусть пока переваривают то, что есть, а там видно будет...

После английского была математика, и, надо сказать, Кирилл в этом предмете разбирался не в пример лучше, чем в английском.

На переменах Ингу так и подмывало подойти к нему, извиниться за грубость, поговорить с ним, но она, стиснув зубы, держалась на холодной дистанции. Может, потому после уроков он сам подошел к ней.

Она возвращалась пешком вместе с Костей. Ему было совсем не по пути, но все-таки он увязался за ней. И она не прогоняла его. Пусть Кирилл видит, что место возле нее занято, пусть ревнует. Хотелось бы, чтобы ревновал...

Костя шел рядом с опущенной головой. Казалось, он собирался, но не решался сказать ей что-то важное. Инга не удивилась бы, если он признался бы ей в любви. Но лучше обойтись без этого, потому что его поезд ушел. Если бы он сделал ей признание в десятом классе, она бы, может, и ответила ему взаимностью или что-то вроде того. А сейчас у него никаких шансов. Ни с Игорем его не сравнить, ни уж тем более с Кириллом.

Они прошли сквер, первый маленький этап на пути к ее дому, когда вдруг рядом с ними, будто из ниоткуда, вырос Мускатов. Инга как раз думала о нем, поэтому вздрогнула от неожиданности, когда он появился и встал между ней и Костей.

– Ты хотя бы предупреждал, – с трудом скрывая нахлынувшую радость, сказала она. – У вас там все такие неожиданные?

– Где там? – мягко, сквозь ироничный прищур спросил он.

– Там, где на одного придурка стало меньше, – неосмотрительно ляпнул Костя, опять же для того, чтобы угодить Инге.

Кирилл не изменился в лице, но развернулся к нему так резко, что Инга опять невольно вздрогнула.

Он встал спиной к Инге, и она не могла видеть, какими глазами он посмотрел на Костю. Но судя по тому, как Солодков побледнел, взгляд у Кирилла был кинжальным.

– Я тебя, наверное, не так понял?

Но голос его при этом звучал совсем не жестко, хотя и слышались в нем хищно-ласкающие нотки.

– Э-э... Да, наверное... – подавленно кивнул Костя.

Увы, но это было не первое его поражение на сегодня. Инга не хотела его обижать, но ей нужно было избавиться от него.

– Костя, ты, наверное, не знаешь, что Кирилл мой большой друг, – сказала она.

– Друг?! – оторопел парень.

– Скорее, товарищ... Товарищ по счастью, – язвительно глянув на Кирилла, сказала она. – Только он сам не догадывается почему. Так я вам обоим и объясню. Кирилл встречается с девушкой, которая бросила моего парня. Пока Вика с Кириллом, Антон принадлежит только мне...

– Антон?! Какой Антон?

На Костю жалко было смотреть, но Инга его не щадила.

– Антон – мой парень. И я его очень люблю... И если бы Кирилл не увел у него Виду, я бы сейчас была очень несчастной...

– А так – она вместе с Антоном, – пояснил за нее Мускатов. И легонько, с полуулыбкой ткнув Костю в грудь пальцем, заключил: – Так что ты отдыхаешь, парень.

– Ну зачем ему отдыхать? – продолжала играть Инга. – Мы с Костей просто друзья... Да, Костя?

– Э-э...

– Ты бы не мог оставить нас с глазу на глаз? У нас, я так думаю, намечается интимный разговор...

Костя обреченно кивнул и, вжав голову в плечи, повернулся к Инге спиной.

– Не хотел бы я оказаться на его месте, – глядя ему вслед, сказал Кирилл.

– Тогда не вздумай влюбиться в меня.

– Да нет, это вряд ли, – покачал головой Кирилл.

Инге пришлось взять себя в кулак, чтобы не выдать свою досаду. Кирилл не собирался влюбляться в нее. Так ведь и до истерики недалеко.

– Вот и правильно, – через силу выдавила она снисходительную улыбку. – А то вдруг, если влюбишься, сам окажешься на его месте...

– Что, с Антоном все так серьезно?

– Серьезней не бывает. А тебе какое дело?

– Ну как это какое? Чем крепче ты его к себе привяжешь, тем нам с Викой будет легче, – как о чем-то само собой разумеющемся сказал Кирилл. – Он же тебя не просто так в «Гелию» привел...

– Издеваешься? – чувствуя себя уязвленной, разозлилась Инга. – Хочешь сказать, что я хуже твоей Вики? Что Антон за ней бежит, а не за мной?.. Тебе сказать, каким лесом идти? Или сам направление знаешь?

– Резкая ты штучка... одноклассница...

– А может, ты сам не случайно к нам в класс попал? – с видимым ехидством и со скрытой надеждой спросила она.

– Да, узнал, где ты учишься, и напросился к вам в класс, – совершенно серьезно сказал он.

– Правда? – просияла она.

Кирилл еще не ответил, а Инга уже себя возненавидела за то, что повелась, как последняя дура.

– Нет, конечно...

Она чувствовала себя так, будто Кирилл влепил ей пощечину. И сама едва удержалась, чтобы не врезать ему в ответ, но уже реально.

– Просто я живу здесь рядом. Куда определили, туда и пошел...

– Пошел? Ну, иди себе дальше! – психанула она.

И, повернувшись к нему спиной, широким шагом пошла прочь. Кирилл должен был последовать за ней. Не барышня он кисейная, чтобы впитывать обиды. Обтечет и не расклеится... Но Кирилл не пошел за ней. И когда она, не выдержав напряжения, остановилась, обернулась к нему, его нигде уже не было. Как будто сквозь землю провалился.

Глава 4

Солнце за окном, день обещал быть по-летнему теплым, сейчас бы на пляж, к морю, раздеться бы до купальника, распластаться на песке... Но нет никакого моря. Есть только школа. И только одно радует, что Кирилл уже в классе. Правда, на Ингу он совсем не обращает внимания. Сидит за своей партой спиной к ней, в раскрытый учебник уставился. Смотреть противно, какой прилежный ученик.

Вася в своем репертуаре. Его дружок Мишка в коридоре стоит, физика высматривает, а он ткань на учительском стуле подрезает, подушку-пердушку под нее вкладывает. Веселый он парень, только репертуар у него не смешной уже и ограниченный.

Костя сидел рядом с Ингой, смотрел на Васю, но, казалось, не видел его. Угрюмый, нахмуренный, губы поджаты. И вчера весь день на нее дулся, и сегодня будет играть в молчанку, и завтра. Как будто сговорились они с Кириллом. Тот вчера тоже игнорировал Ингу, только это у него натуральней получалось. И гораздо больней...

И сегодня Кирилл тоже не смотрит в ее сторону. И плевать ему, что он делает ей больно. Так больно, что хочется сделать ему какую-нибудь пакость. И ему, и его Вике...

– Ты чего как индюк надутый? – спросила Инга, толкнув Костю в бок.

– Ничего, – буркнул он, даже не глянув на нее.

– Ты что, правда, поверил, что у меня есть какой-то Антон?

– А разве нет? – обнадеженно встрепенулся парень.

– Антон есть, только он мой брат. Двоюродный, – тихо сказала она. – А Кирилл у него девушку отбил. Теперь Антон перед ней вид делает, что роман со мной крутит. Чтобы она ревновала. Понимаешь?

– Чтобы ревновала? Понимаю!.. Но ведь он твой брат.

– Поэтому между нами ничего нет и быть не может. Только если ты Кириллу об этом скажешь, я тебя возненавижу, понял?

– Да нет, могила! – воодушевленно заверил ее Костя.

И куда только вся его угрюмость делась. Расцвел парень, ожил. И даже жаль, что надеяться ему не на что.

– Антон – мой брат. И я не хочу его потерять. А он такой, что из-за Вики в петлю может влезть! – разошлась Инга. – Ты меня понимаешь?

– А-а, да...

– Поэтому Карфаген должен быть уничтожен.

– Это ты про Кирилла?

– Костя, ты меня радуешь. Да, это про него.

– Его нужно... убить?

– А теперь ты меня огорчаешь. Его просто нужно вывести из игры.

– Как?

– Не знаю... Ты с ним разговаривал, сколько ему лет?

– Говорит, что двадцать.

– Надо же, как я угадала... А почему он в школе, если ему двадцать лет?

– Ну, говорит, что на второй год оставался...

– Сколько, три раза?

– Ну, я не знаю...

– А надо узнать, Костя. Что-то не то с ним, Костя, что-то не то...

В женщине должна быть загадка, а в мужчине – тайна. И, похоже, этого добра в Кирилле было с избытком. Взрослый парень, умудренный житейским опытом, чрезмерно уверенный в

себе – как и почему он попал в один с Ингой класс? Откуда он вообще взялся? Ведь он так и не ответил на этот вопрос.

Тайна могла оказаться страшной, но Ингу это почему-то не пугало, поэтому она бралась «расшторить» ее. Вдруг всплывет что-нибудь такое, что может отвадить Вику от Кирилла?

– Да я и сам вижу, что дело темное, – сказал Костя, понизив голос до шепота. – Юрка и так с ним, и этак, а все же ничего про него и не узнал... Я с Олегом поговорю, он секретарше новой с компьютером сейчас помогает. А там, в компьютере, вся школьная база и Мускатов тоже забит... Если он, конечно, не агент ФСБ.

– Ну, это вряд ли.

– Да кто его знает... Знаешь, взгляд у него какой! Помнишь, я его придурком назвал. Ну, не назвал, но все равно... Так знаешь, как он на меня посмотрел! Сам улыбается, а взгляд парализующий, как у гипнотизера. Мне потом ночью кошмар приснился. Мускатов на меня смотрит, и рога растут, как у черта...

– У кого растут, у тебя?

– Нет, у него!

– Хорошо, если этот сон в руку. Рога бы ему сейчас не помешали...

– А-а, ты насчет брата своего.

– Ну да, ну да... Ты же мне поможешь?

– Да, прямо на перемене к Олегу и схожу.

В класс вошел физик Иван Германович, сорокалетний мужчина с чахлым телом и рахитной головой. Еще в прошлом году Инга сама возглавляла охоту на него, а если точнее, то травлю. Ох, и натерпелся же он... Но сейчас у нее не было никакого желания издеваться над ним. Может, повзрослела потому что, поумнела. Все-таки семнадцать лет уже. И вся жизнь впереди. Чего не скажешь об Иване Германовиче. Болезненный он, тоска в глазах и застывшие слезы, с ногами проблемы – ходит медленно, с трудом разгибая их в колене. Грешно его, убогого, обижать; и думала так Инга всерьез, а не с коварным сарказмом.

Учитель собирался сесть за стол, когда Инга его остановила:

– Иван Германович, подождите.

Она поднялась без разрешения, подошла к нему, склонилась над стулом, вытащила резиновую подушечку и через весь класс швырнула ее Долголесу.

– Людьми надо быть, – бросила она, возвращаясь на свое место.

Кирилл посмотрел на нее с интересом и даже с одобрением. А может, и с завистью. Сам он, похоже, вышел из того возраста, когда человеку в радость глумиться над теми, кто не может за себя постоять. Но все же он не посмел избавить несчастного физика от подушки-пердушки, побоялся настроить против себя класс... Ну, может, и не боялся, но против правил не пошел, не так воспитан. А Инге было все равно, потому что в классе она сама устанавливала правила...

Она оказалась права, Кирилл был из тех, кто умеет плыть против течения. Чувствовала, что права. Хоть он и не противопоставлял себя классу, но все-таки держался особняком. Не пытался навязать кому-то свою волю, но и чужого влияния избегал. Сам Юрка Хмель, гроза и беда школы, набивался к нему в друзья, Кирилл его не отвергал, но и близко к себе не подпускал. Еще он упрямо продолжал занимать место возле учительского стола, как будто демонстрируя свою независимость от общего мнения. И он действительно был независим от него, потому что не было никого в классе, кто мог бы открыто посмеяться над ним. Право на свое мнение он завоевал не кулаками, а внутренним обаянием настоящего мужчины. Обаянием, которое сводило Ингу с ума...

Показательная расправа над Васиным репертуаром подействовала на всех, и урок физики прошел в непривычной для Ивана Германовича тишине. Вася нарочно зевал во весь рот, изображая скуку, но ни разу даже не хихикнул учителю в спину. Кирилл ничего не изображал, он

просто внимательно и увлеченно слушал физика, даже вызывался решить задачу из программы десятого класса. И надо сказать, это у него неплохо получилось...

После физики был английский. В этот раз Анжела Евгеньевна не заостряла внимания на Кирилле. Но Инга чувствовала, что это было демонстративное безразличие. И совсем не удивилась, когда она предложила Мускатову остаться после уроков на дополнительное занятие. Вне себя от возмущения Инга подняла руку, но, спохватившись, опустила ее еще до того, как «англичанка» заметила этот жест. Хотелось узнать, не возьмет ли Анжела ее на дополнительное занятие, но в самый последний момент Инга решила, что это лишнее.

От дополнительного занятия Кирилл не отказался. Чувствовалось, что парень не желал плестись в числе отстающих. И на остальных предметах он не скучал. Даже на химии он внимательно слушал учительницу, чем заслужил ее симпатию.

А вот с физкультуры Кирилл просто-напросто сачканул. Инга нарочно надела футболку с коротким низом и короткие облегающие шорты, чтобы Мускатов изошел слюной. Но слюнки пускали все, кто угодно, даже физрук, но только не Кирилл. Он появился на последнем уроке алгебры. Как ни в чем не бывало вошел в класс, выложил на стол учебник, тетрадку. Как оказалось, у него было сделано даже домашнее задание.

С внеклассной работой справился и Костя. В класс он вошел с озадаченно-взбудораженным видом. Сначала приблизил вытянутые губы к Инге, к самому ее уху, и только тогда, ничего не говоря, сел.

– Ты хочешь меня поцеловать? – насмешливо спросила она. – Или у тебя в клюве какая-то тайна?

– И то, и другое, – сказал он, пытаясь изобразить страстный шепот, что, надо сказать, выходило у него неуклюже.

Вот Игорь умел шептать на ушко так, что душа млела. И Кирилл наверняка бы смог. Но один в прошлом, а другой в будущем, и то, если повезет...

Инга не хотела, чтобы Костя ее целовал. Но Мускатов как будто почувствовал, что Солодков раскрыл его тайну, повернулся к ним.

– Ну, поцелуй, – шепнула Инга.

Костя легонько коснулся губами мочки ее уха. Сердце у нее расширилось во всю грудь, когда это делал Игорь, и душа изнывала от ожидания. Но поцелуй Солодкова ничего, кроме раздражения, не вызвал. Губы у него мокрые, неприятно холодные... Но, может, жертва ее не напрасна? Неспроста же Кирилл так быстро отвернулся. Вдруг это ревность в нем заговорила?

– Можно еще? – обалдело спросил Костя.

– Да, взсос и у доски, но только когда урок начнется... Давай, дело говори, мечтатель.

– Кирилл прибыл к нам из Черноземска.

– Адрес его нашел?

– Где, в Черноземске?

– Нет, в городе-герое Москве...

– Да, он тут недалеко живет, я записал... Мать у него инвалид, отца нет.

– Инвалид чего – войны, детства?

– Да я откуда знаю... Да и не это важно.

– А что?

– Кирилл срок мотал. Два года в колонии... За что – не знаю, там номер статьи был...

Вот, тут все записано, – Костя протянул Инге сложенный вчетверо лист бумаги.

– Интересно. Это очень интересно...

Тайна, может, и не самая страшная, но все-таки достаточно темная, чтобы отвлечь от Кирилла Вику... Известно же, что бывших уголовников, как и бывших наркоманов, не бывает. Рано или поздно преступная сущность Кирилла всплывет наружу и взорвется, уничтожая все живое вокруг. Именно поэтому Инга и сама не ощущала внутреннего восторга. Даже для нее

уголовник – это слишком. Хотя в принципе она готова переступить через эту жирную кляксу в биографии Кирилла. В принципе готова...

– И давно он в Москве?

– Не знаю, но зарегистрирован по месту жительства весной этого года... Олег сказал, что Ботаныч не хотел его брать в школу. И судимость не снята, и возраст – так из РОНО позвонили, сказали, что Ботаныч много на себя берет. Дескать, гражданских прав Мускатова не лишали, одиннадцатилетка сейчас обязательна, так что хочешь не хочешь, а доучить придется...

– Да, дела, – в раздумье покачала головой Инга.

– Я и сам понял, что Мускатов – темная лошадка...

– Хорошо, что ты сам до этого дошел. Только давай договоримся: никому ни слова.

– Само собой, – заговорщицки улыбнулся Костя.

– А то, если Мускатов узнает, что ты в его деле рылся, он тебя убьет.

– Убьет?! – дернулся он. – Да нет, не убьет...

– А вдруг?

Костя низко опустил голову и подтянул плечи к ушам. Страшно ему стало, по-настоящему страшно. Он помнил взгляд, которым парализовал его Кирилл, поэтому испугался не на шутку.

– Ты же сама никому не скажешь? – еле слышно спросил он.

– Можешь на меня положиться... Ну, не в буквальном, конечно, смысле.

Она улыбнулась, но только чтобы приободрить себя. Не смешно было от собственной шутки. Зато страх когтистой лапой царапал горло. Что, если Кирилл какой-нибудь маньяк и ему ничего не стоит вырезать весь класс или даже всю школу...

Домой после уроков Инга возвращалась быстрым шагом. Костя шел рядом и даже не спрашивал, почему она так торопится. Он и сам рад был поскорее убраться из школы, чтобы Кирилл не перехватил их на пути к дому, как это было позавчера.

Но Кирилл так и не появился. Зато вечером к Инге заехал Антон. Она как раз вернулась домой после тренировки, приняла душ, собралась сесть за уроки, когда он позвонил в дверь. Родители еще не вернулись с работы, Вероника сидела за компьютером в своей комнате, и ничто не мешало ему начать разговор без всяких предисловий.

Судя по его сияющей физиономии, дела у него шли неплохо. Инга провела его на кухню, поставила на плиту турку с водой.

– Я Вике машину купил! – восторженно сообщил он.

– Нашел, чем обрадовать, – буркнула она. – Если бы ты мне купил...

– Э-э, ну-у...

– Вот только оправдываться не надо, я же не претендую... А радоваться за Вику не хочу, и не жди.

– Да нет, я не поэтому. Просто ты сказала, что ей «Фольксваген Джетта» понравится, ну, я и купил. Ей понравилось...

– А Кириллу?

– Так она ж ему ничего и не скажет. Если, конечно, согласится...

– На что согласится?

– Ну, пока переехать ко мне. Она в принципе не против, от меня до ее института ближе...

– Дело же не только в институте?

– Ну да... У меня квартира большая, машина у нее своя будет. Только она не знает, как ей с Кириллом быть, – загрустил Антон. – У них там, я так понимаю, типа любовь...

– Да, но ей и рыбку съесть охота. И на любовь сесть, и рыбку...

– Она говорит, что я ей тоже очень нравлюсь.

– Ну вот, это уже признак потепления. Вот что значит – горячий автомобильный мотор... Но и любовь тоже греет, да? Не хочется с нее соскакивать?

– Не надо так говорить, – умоляюще посмотрел на Ингу Антон. – Все-таки это Вика...

– А ничего, что я за люстру переживала, когда ты на кухню вошел? Думала, что ты ее рогами заденешь... Ладно, извини, это я со злости. И за тебя переживаю, и за своего одноклассника. Обидно будет, если она и ему рога наставит...

– Рога? Твоему однокласснику? Вика?! – Антон оторопело уставился на Ингу.

– А разве я тебе не говорила, что мы с Кириллом в одном классе учимся?.. Представь себе, второго сентября появился. Хочу, говорит, с тобой в одном классе учиться.

– Кому говорит, тебе?

– Если честно, никому... Не хочет и не говорит. Он на своей Вике помешан, никто его больше не интересуется.

– Даже ты?

– Даже я?! Ну вот, в кои-то веки комплимент от тебя... – насмешливо сказала Инга. – Я, может, и заинтересовала его, но ведь он же не совсем гад, чтобы тебе вторую пару рогов навесить. Он же знает, что я – твоя девушка. А он тебя боится, если ты не забыл...

– Боится?.. Ну да, мы с ним в ресторане крепко поговорили...

– Да, но Вика ушла с ним. Может, он все-таки не испугался... Что он тебе тогда сказал? – Инга смотрела на брата пристально и в упор. – Только честно. Ты мне честно, и я тебе честно.

– Что ты мне честно?

– Я одну его тайну раскопала; не думаю, что это Вике понравится... Только честно, что он тебе тогда сказал?

– Ну, если честно... Мы с ним к туалету подошли, он ко мне вдруг развернулся. Улыбается, а в глазах такой лед, что меня оторопь взяла. А он говорит, что жизнь человеку один раз дается...

– Он угрожал тебя убить? – разволновалась Инга.

Кирилл не из тех людей, кто сотрясает воздух пустыми угрозами. Во всяком случае, так ей казалось, и она в это верила. И если он пригрозил Антону смертью, то ему ничего не стоило убить человека. А это страшно. Очень страшно, если не на словах, а на деле.

– Нет, напрямую не угрожал. Но дал понять... Жизнь, говорит, один раз дается – а глаза холодные-холодные, как у замороженной рыбы. Человек с такими глазами способен на все...

– Да, но Вика его не боится.

– Он же на нее так не смотрит.

– Разве что в постели.

– При чем здесь постель? – нервно отреагировал Антон.

– А что, если Кирилл – маньяк? Что, если ей это нравится?

– С тобой все в порядке?

– Со мной да, а с Кириллом нет... Он два года отсидел. В колонии для несовершеннолетних...

– За что?

– Статья двести двадцать восемь... Вот я и говорю, может, он маньяк какой-нибудь, сексуальный извращенец?

– Да нет, это здесь ни при чем. Это хранение и сбыт наркотических средств... Постой, ты хочешь сказать, что Кирилл за наркоту сидел? – воодушевленно встрепенулся Антон.

– Ну, про наркоту я впервые от тебя слышу... – ошарашенно покачала головой Инга. – Лучше бы он маньяком был, чем такое...

Наркотики – это страшно. Инга многое могла себе позволить, но только не это. И родители страх ей внушили к этому делу, и одна ее знакомая на иглу два года назад подсела; сейчас и смотреть на нее тошно, настолько ужасно выглядит. И жить Ритке недолго осталось...

– А я думаю, чего это он на физкультуру не пошел, – вслух размышляла она. – А он колотиться пошел...

– Это ты о ком?

– Ну, о Кирилле... Хотя он вроде бы и не похож на наркошу, – пожала она плечами.

– А мне показалось, что у него зрачки расширены, – неторопливо почесал у себя за ухом Антон. – Да и улыбка у него какая-то неестественная, как будто он под кайфом...

– Улыбка? Ну да, улыбка, есть такое... Только мне кажется, что естественная у него улыбка. А может, и не совсем естественная... Слушай, у него же футболка с длинным рукавом, – вспомнила она. – Сегодня тепло было, вчера тоже, а все равно рукав длинный. Там у него, наверное, все истыкано...

– А я у Вики спрошу! – предвкушая близкую победу над соперником, вдохновенно протянул Антон.

– Спроси, спроси... А заодно справку спроси. Пусть проверится, вдруг у нее СПИД.

– СПИД?! – побледнел Антон. – Вот черт!

– Что, все, прошла любовь? – с горечью в душе усмехнулась Инга.

СПИД Вика могла подцепить от Кирилла. Если он такой заразный, то какие могут быть к нему чувства?.. Инга с тревогой вслушивалась в себя. Неужели все, завяли помидоры?.. Но нет, Кирилл по-прежнему волнует ее воображение. Она должна, но не хочет отказываться от него. Хотя, возможно, и поставит на нем крест. А может, и нет...

И Антон в замешательстве. Любит он Вика, но готов ли принять ее такой, какой сделал ее Кирилл? Может, она ему и не нужна?..

– Да нет, не прошла, – мотнул головой Антон.

– Тогда иди к ней. И отвези ее в поликлинику, пусть анализы сдаст. У нее возьмут кровь – и, поверь, вместе с ней уйдет вся любовь к Кириллу...

Инга призывала брата верить в то, во что и сама не очень верила. Страшно было узнать правду о Кирилле, но ведь и чувства отвращения она при этом к нему не испытала. И Вика, возможно, не отречется от него. Если Антон ей не поможет...

Антон кивнул, соглашаясь. Достал из кармана мобильник, набрал номер.

– Вика, ты одна?.. Это хорошо. У меня разговор есть, очень срочный... Да нет, машина здесь ни при чем. Все гораздо сложнее... В общем, через десять минут я буду у тебя.

Уже на пороге он остановился и, приложив палец ко лбу, напряженно посмотрел на Ингу.

– А ты уверена в том, что Кирилл сидел?

– Уверена... Больше того, мне страшно. И я прошу тебя, не говори Вике, откуда ты узнал об этом. Скажи, что детектива нанял, он все и разнюхал... В общем, что-нибудь придумай, только меня не сдавай...

– Как скажешь, сестренка, – вымученно улыбнулся Антон.

– Ну, ни пуха!

– К черту!

Он ушел, а Инга заперлась в своей комнате. Раскрыла учебник по алгебре, попыталась сосредоточиться, но тщетно. Мысли о Кирилле прочной паутиной оплели ее сознание, и ни о чем другом думать она сейчас не могла.

Глава 5

Бетонный постамент служил опорой для столба временной электролинии, которая тянулась к строящейся высотке. На него легко запрыгнуть, чтобы оттолкнуться. Кирилл так и поступил, но со стороны могло показаться, что постамент он едва коснулся ногой – так быстро и легко он спорхнул с него, переместившись на крышу гаража. Быстрый наклон, чтобы не задеть головой ветку раскидистого клена; прыжок, чтобы не зацепиться ногой за гниющий на крыше дощатый ящик. Один гараж, второй, третий... Теперь можно спрыгнуть вниз. Есть! Очередное препятствие преодолено. Можно бежать дальше, но лучше притормозить. Вике вовсе не нужно видеть, как быстро он умеет двигаться. Ей вовсе не обязательно знать, что его, как того волка, кормят ноги. До сих пор кормят, хотя от старых дел он уже отошел.

Кирилл оправил футболку, стряхнул пыль с коленок. Перевел сумку из-за спины на живот, достал оттуда дезодорант, пшикнул подмышки. Обильным потоотделением он не страдал, мог взмокнуть только после долгой и тяжелой физической нагрузки, но все-таки лучше перебдеть...

Он посмотрел на часы. Двадцать минут седьмого. Сегодня у них с Викой по плану кино; возьмут диванчик на двоих на заднем ряду, обнимутся и вполглаза будут смотреть, как Вин Дизель крошит своих врагов.

Вика должна появиться в половине седьмого. Ну, может, опоздает минут на пять. Но четверть часа для Кирилла не время.

Но Вика вышла к нему в семь вечера. Красивая, вкусная и желанная. Только невеселая какая-то, беспокойная.

– Надо поторопиться, кино через десять минут, – нежно улыбнулся ей Кирилл.

– Может, ты мне свое кино расскажешь? – спросила она, недобро глянув на него.

– Какое кино? – внутренне напрягся он.

Нехорошее предчувствие холодящим эфиром разлилось по крови.

– Что у тебя за татуировки на спине и плечах?

– Я же говорил тебе, что это птица Феникс, – нахмурился Кирилл. – Баловство, кто сейчас этим не страдает?

– И где же тебе сделали эти крылья?

– В тату-салоне, я же говорил... Что это на тебя нашло?

– И где этот салон?

– Себе тату хочешь сделать?

– Нет, я хочу, чтобы ты не врал мне... Признайся, что эти крылья тебе в тюрьме выкололи!

– Что? – оторопел Кирилл.

Он вдруг явственно услышал скрип железной двери, стук, с которым она ударилась о блокиратор, где-то вдалеке залаяли овчарки, завывала выюга. И так вдруг стало холодно, что он обнял себя руками, чтобы согреться.

– Ты замерз? – с подозрением спросила Вика.

– Нет.

Он опустил руки, постарался совладать со своими эмоциями. Он умел контролировать себя, просто слишком уж крепко ошарашила его Вика, вот он и потерял управление.

– А может, все-таки замерз?.. Ты – наркоман?!

– Если мерзну, значит, наркоман?

– Я знаю, ты в тюрьме за наркотики сидел! – не щадила его Вика.

– Откуда ты это знаешь? – взяв себя в руки, сурово спросил он.

– Не смотри на меня так... Мне страшно, – поежилась она.

- Чего ты боишься? – смягчился он.
- Ты уголовник и наркоман...
- Кто тебе это сказал?
- Антон... Он детектива нанял, тот все про тебя узнал... Ты в тюрьме сидел.
- Не в тюрьме, а в колонии, – сдался Кирилл.

Что было, то было, и как ни старайся выбросить слова из песни, рано или поздно они все равно прорисуются.

- Но ведь было!.. Антон уговаривал меня анализы на СПИД сдать!

- И что?

– Да ничего! Какие анализы, если мы с тобой только целовались?.. А через поцелуй СПИД не передается... Может быть...

– Ну и зачем ты это мне говоришь? – разочарованно посмотрел на нее Кирилл. – Ты же не хочешь, чтобы я назвал тебя душой?

В Москву он приехал в начале этого года. Мама училась здесь, какое-то время после института работала на шоколадной фабрике, а потом обстоятельства заставили ее вернуться в родной город. Самым главным обстоятельством был Кирилл. Зачат он был в Москве, а родился в Черноземске. Через несколько лет после родов мама попала в аварию и сломала позвоночник. С тех пор она не может ходить. Это сейчас она передвигается на кресле-каталке, а первое время была прикована к постели. Когда умерла бабушка, основное бремя нагрузки легло на плечи Кирилла. Ему приходилось крутиться, чтобы она ни в чем не нуждалась. Потому и в тюрьму попал...

Но это все уже позади. С недавних пор для них с мамой началась новая жизнь. Мама всегда хотела жить в Москве, и вот ее мечта осуществилась. А Кириллу повезло встретить здесь Вику. Она училась на втором курсе технического университета. И он тоже собирался получить высшее образование, чтобы окончательно вырваться из той трясины, в которой пропадал чуть ли не целую вечность.

- Кто дура? Я – дура?! – истерично вскинула Вика.

– Я этого не говорил... И наркоманом я никогда не был. И СПИДом не болел. И туберкулезом тоже... Ты на туберкулез проверялась?

- Э-э, нет... – из глубины нервного раздумья мотнула головой Вика.

- Можешь не стараться, нет у меня ничего. И у тебя тоже... Я здоров, как бык.

- Но ты же сидел! – заламывая руки, простонала Вика.

Этот разговор напоминал сцену из плохого кино. Он очень тяготил Кирилла, но уходить от него он не должен. Еще не все потеряно, и, если он сумеет все правильно объяснить, Вика останется с ним...

- За что сидел?

- Антон сказал, что за наркотики.

– Язык бы ему отрезать. Хотя он прав, я действительно сидел за наркотики. Но не за употребление, а за хранение и сбыт...

- Ты торговал наркотиками?

– Нет, я перешел дорогу одному милиционеру начальнику, а на следующий день ко мне подошли его сотрудники, обыскали в присутствии понятых и нашли три грамма героина... Угадай, как он оказался у меня в кармане?

- Как?

– Наркотик мне подбросили... Это была месть, банальная месть. В итоге два года колонии... Пойми, я не уголовник, я – жертва обстоятельств.

- Что, и с наркотиками ничего общего не имел? – недоверчиво смотрела на него Вика.

- Ну как же не имел? Два года из-за них отсидел.

- Почему ты мне об этом не рассказал?

– Зачем тебе это знать?

– Да, конечно, я бы не хотела этого знать, – нервно кивнула она.

– Но ты знаешь.

– Как же так, два года в тюрьме...

– Да, но ведь жизнь на этом не закончилась. Все это в прошлом, а впереди нормальное будущее. Поверь, уголовная романтика меня совсем не прельщает. Я хочу закончить институт, получить достойную работу, жить как человек, вместе с тобой воспитывать детей...

Вика страдальчески смотрела на него, поджав губы. Она и хотела верить ему, но все-таки сомневалась в нем.

– Антон сказал, что тюрьма – это судьба. То есть навсегда...

– Антон сказал... Голову ему оторвать мало.

– И ты можешь оторвать ему голову? – чуть ли не с ужасом посмотрела на него Вика.

– Я что, похож на дикаря? Пальцем его не трону...

– Антон сказал, что ты грозился его убить. Ну, там, в ресторане...

– Ты же меня знаешь, я словами не разбрасываюсь. И лишнего никогда не говорю. Но если ты ему поверила, значит, ты хочешь ему верить... Если тебе что-то во мне не нравится, держать я тебя не стану.

Он смотрел на Вику почти влюбленно, но говорил жестко, чеканно.

– Я тебе не нужна? – огорошенно спросила она.

– Ты мне очень нужна. Очень-очень. Но поверь, насильно милым я быть не хочу.

– А ты меня любишь?

– Ну да.

– Что ну да? Не любишь ты меня. Я же чувствую, что не любишь. Как будто что-то стоит между нами.

– Может, и стоит.

– Что, наркотики?

– Когда-нибудь я тебе все объясню.

– Значит, все-таки наркотики.

– Да нет же... Ты должна мне верить...

– Ну, я верю...

– А если без «ну»?

– Верю.

– Тогда все в порядке, – широко улыбнулся Кирилл. – И не о чем говорить...

– Ну почему же не о чем? Мне страшно об этом спрашивать, но все-таки интересно, как ты жил там, в тюрьме...

– Нормально жил. Никому не кланялся...

– Верю. Ты не из тех, кто кланяется. Я хочу знать о тебе все, как ты до тюрьмы жил, чем занимался...

– В школе учился, как все обычные люди. Тюрьма помешала. Ничего, сейчас доучиваюсь. Я свое еще наверстаю...

– А тату тебе где сделали, там, в тюрьме?

– Там, – кивнул Кирилл. – Думал, крылья настоящие вырастут. Чтобы улететь на свободу. К тебе...

– Врешь, ты меня тогда не знал.

* * *

Прыжок, пробежка, снова скачок... Быстрее, быстрее. Еще немного, еще чуть-чуть. Но дышалка уже почти отказала, ноги не держат, мышцы вот-вот лопнут от усталости... Казалось

бы, что может быть проще, чем перепрыгнуть через двухметровый забор, но сейчас, когда силы закончились, он стал для Кирилла настоящим испытанием.

Он на бегу заметил выемку на кирпичном столбе; надо поймать ее носком ноги, если, конечно, он сможет оттолкнуться от земли. Разгон на последнем издыхании, тяжелый толчок, неживой рывок, но все-таки нога уперлась в выемку, и руки ухватились за верхний край забора. Осталось только подтянуться. Но у Кирилла было такое ощущение, что голова взорвется от напряжения, если он попытается сделать это... И все-таки он подтянулся, перетащил свое тело через забор.

Сознание он терял в падении и оттого не смог приземлиться правильно. Одна нога прогнулась, и он больно ударился коленкой об землю. Но именно боль и вернула его к жизни. Он так и не лишился чувств. Хотя и подняться с земли не мог. Так и остался сидеть, не в силах встать на ноги.

– А если менты? – недовольно спросил подошедший Нос.

Он уже совсем взрослый, целых девятнадцать лет. Все знает, все умеет. И если он сейчас пнет Кирилла ногой, то все его старания пойдут прахом. А ему так нужны крылья, он уже два года мечтает о них...

– Да ладно тебе, Нос, ты же видишь, Мускат рекорд установил, – Лешка обращалась к нему, но смотрела на Кирилла, в глазах у нее кокетливое восхищение, а на губах – хищная ирония.

Ей семнадцать, она также многое познала в этой жизни, и в банде она второй человек после Носа. И еще спит с ним...

– Никто этот участок так быстро не проходил.

– Ты же видишь, он сейчас копыта отбросит.

– Не-е... – промычал Кирилл.

Он нашел в себе силы, чтобы подняться, но при этом его затошнило так, что едва не скрутило в бараний рог. Не будь рядом с Носом Лешки, он бы не сдержался и, рухнув на колени, позволил своему нутру вывернуться наизнанку. Но Лешка очень-очень ему нравилась, и он пуще смерти боялся ударить перед ней в грязь лицом.

– Ладно, зачет. Получишь крылья, голубец, – снисходительно усмехнулся Нос.

– Через час ждем тебя на хате, – сказала Лешка, ободриительно и с поволокой в глазах улыбнувшись Кириллу.

Она знала, что нравится ему и, хотя близко к себе не подпускала, нет-нет да выказывала ему свою симпатию. И сейчас она обладала его своей милостью, что повергло Кирилла в эйфорический транс. Глядя на эту худощавую девчонку с короткой мальчишеской прической, с задорным курносом и большим ртом, он чувствовал, как за спиной вырастают настоящие, а не рисованные крылья. Но если бы так было на самом деле, ему бы сейчас не пришлось идти на хату, как называлась штаб-квартира их банды, расположенная в подвале жилой высотки. Там Кирилла будет ждать обряд посвящения...

Лешка игриво подмигнула ему и вальяжно, неторопливо повернулась спиной. Только тогда, не в силах больше держаться на ногах, Кирилл опустился на землю. От усталости перед глазами все плыло, и казалось, что Нос и Лешка, сопровождаемые Секатором и Панасом, не просто идут по дороге, а уходят в небеса, закопченные плотными клубами черного дыма из заводской трубы...

Кириллу понадобилось не меньше получаса, чтобы окончательно прийти в себя. Слишком уж сложным оказался участок, который нарезал ему для прохождения Нос. Промышленная зона, заводские цеха, склады, рельсы, башенные краны, сторожа, собаки... И времени очень мало. Но ничего, Кирилл прошел испытание, и сегодня же он станет равноправным членом уличной банды.

Ровно через час он спускался в подвал многоэтажного дома, расположенного в каменных дебрях заводского микрорайона. И у Носа был ключ, и у Лешки, и у всех, кто входил в их банду, но дверь была закрыта. Это был небольшой, но все же дополнительный элемент испытания. Кириллу предлагалось проникнуть в подвал через узкий лаз в стене дома. Эта бойница была проделана для крана, что предназначался для полива клумб, и нужно было обладать определенной сноровкой, чтобы пролезть через нее и не застрять. И еще важна комплекция: с толстой задницей это препятствие не преодолеть. Но у Кирилла тело сухопарое, поджарое, мышцы не раздутые, как у качков, но силы в них достаточно, чтобы с легкостью перебрасывать туловище через высокие заборы... Вытянув руки, он смело нырнул в лаз и व्यюном протиснулся в него. Мягко упал на руки, перекатился через плечо, встал на ноги. Все в порядке, можно идти дальше...

Братва ждала его в большой, ярко освещенной и, главное, совершенно сухой комнате, которую Нос благоустроил, как мог. Пол застелен толстой фанерой, на стенах побелка, бумажная люстра под потолком, старый, продавленный, но из натуральной кожи диван, кушетка, кресла, стол; в углу барная стойка, грубо сколоченная из нешлифованных досок, музыкальный центр на ней, колонки... Нос царственно восседал на диване, церемонно обняв Лешку за плечи. Секатор, Панас разместились в креслах, за барной стойкой – Фриц, Перепел, а между ними маруха Катька, сочувствующая банде, но не посвященная. Фриц что-то шепчет ей на ухо, она млеет, как банный веник в бадейке с горячей водой.

На кушетке со скучающим видом сидел Татуз, один из лучших в городе тату-мастеров. Он уже совсем взрослый, семья у него, дети, но с улицей он порвал не совсем. Поэтому он здесь, чтобы провести обряд посвящения. На столике у него инструменты – машинка, иглы, краски...

Татуз поднялся с кушетки, освобождая место для Кирилла. Тут все ясно, слов не надо – снимай футболку и ложись. Кирилл обнажил спину, лег на живот, повернув голову к Лешке. Девушка нежно улыбнулась ему. Нежность у нее особая, колкая, очень похожая на розу – красивая, но с шипами...

Нос заметил, как они переглянулись, ощерился и, весело подмигнув Кириллу, ему же показал крепко сжатый кулак. Но и это было не самое страшное. Хуже всего, что другой рукой он забрался к Лешке под футболку, демонстративно примял небольшое, но соблазнительное полушарие. Кирилл не стал смотреть на это и закрыл глаза...

Татуз работал профессионально, быстро нанес на спину и плечи рисунок, включил машинку, вбивая в кожу краску. Он мог бы обезболить место, куда вонзалась игла, но правилами посвящения это исключалось: Кирилл обязан был терпеть боль.

Впрочем, он готов был к процессу, поэтому даже не морщился. Гораздо больней было то, что в нескольких шагах от него Нос тискал и целовал Лешку...

Но, что бы ни вытворял Нос, Кирилл должен был воспринимать это как должное. Нос был главарем их банды, он сильный, дерется, как черт, и еще может убить. Но, главное, голова у него с фантазией. Ведь это он придумал символ банды – птицу Феникс. Бойцы его банды должны летать так же быстро, как эта птица, и, если вдруг придет беда, восставать из пепла. Именно эта птица и легла на спину Кириллу.

– Ну вот и все, – сказал Татуз, поднимаясь.

Он вытащил из своего чемоданчика «Поляроид», сфотографировал свою работу и протянул снимок Кириллу.

– Ну как?

Синяя, с красно-желтыми вкраплениями птица изображена была как бы сверху. Распушенный хвост – вдоль позвоночника, расправленные крылья уместились на лопатках и плечах, голова – на шее, клюв упирался в затылок.

– Так нечестно, – нависая над Кириллом, возмутился Нос. – Я здесь босс, но у меня не так красиво, как у этого сосунка...

– Тсс! – урезонила его Лешка. – Мускат – не сосунок, он – член нашей банды.

– Член!.. – презрительно фыркнул Нос. Но, спохватившись, стал успокаиваться. – Нормально все, Мускат, ты теперь такой же реальный член, как все мы здесь... А картинка у тебя супер, лучше, чем у меня.

– Ты же первый, – складывая инструменты, без всякого заискивания перед ним сказал Татуз. – На тебе я только руку набивал. С каждым разом получалось все лучше...

– Можно я буду называть тебя Папа Карло? – глумливо ухмыльнулся Нос. – Это полено ты нехило раскрасил.

– Полено, не полено, вы тут сами без меня разбирайтесь.

Татуз беспечно зевнул и, ни с кем не прощаясь, ушел.

– Давай, полено, поднимайся! – гоготнул Нос.

Но Кирилл даже не шелохнулся.

– Я сказал!

На этот раз Кирилл исполнил требование главаря, но вскочил с кушетки быстро и так резко подался к Носу, что у того передернулось лицо от неожиданности, а может быть, и страха.

– Я тебе не полено! – пристально глядя ему в глаза, сквозь зубы сказал Кирилл.

Нос мог ударить его в живот. Этой своей коронкой он пробивал пресс любой крепости, заставляя противника корчиться в судорогах. Он мог свалить Кирилла на пол и ногами забить до смерти. Но он не стал этого делать.

– Ты чего, с дуба рухнул? – спросил Нос, за громовыми раскатами своего голоса скрывая растерянность. – Полено у тебя в штанах, понял?..

– И оно должно стоять, – с жарким интересом глядя на Кирилла, весело сказала Лешка. – Потому что у тебя сегодня свадьба... Катька!

Фриц и Перепел беззастенчиво лапали девчонку, которая увлеклась так, что выпала из времени. Катька сейчас должна была стоять рядом с Кириллом, ластиться к нему, а она глупо хихикала за барной стойкой, совершенно не обращая на него внимания.

Это был своего рода ритуальный элемент, придуманный Носом. Катька должна была изображать Банду, на которой Кирилл как бы женился. Для этого он должен был переспать с ней прямо сейчас.

– Иду-у!

Оправляя на себе платье, Катька подошла к нему. Растрепанная, тушь на глазах растерта, помада на губах размазана, на щеках нездоровый румянец. Девушку можно было бы назвать симпатичной, если бы ее не портила улыбка. Некрасивая улыбка, искажающая черты лица, что-то порочное в ней, даже омерзительное... А не улыбаться Катька, казалось, не могла.

– А почему с ней? – спросил Кирилл, неприязненно глядя на нее. – Она не банда, она здесь никто.

Он многозначительно посмотрел на Лешку. Она не просто член банды, она в ней второй после Носа человек. И уж если с кем-то и должен был переспать Кирилл для посвящения, так это с ней.

– Она – своя, – нахмурился Нос.

– Да, и где у нее крылья?

– Зачем ей крылья? – хохотнул Секатор. – У нее три пера есть, ей хватает!

– Слышал? – осклабился Нос.

– Слышал, – кивнул Кирилл. – Потому я и не буду с ней.

– А со мной? – жеманно сощурилась Лешка. – У меня есть крылья.

– С тобой... – холодея от волнения, пробормотал Кирилл. И, преодолевая себя, выдавил: – С тобой – да.

– А полено не треснет? – нахохлился Нос.

– Мускат правильно говорит, – пристально посмотрела на него Лешка. – Если ритуальный танец, то с тем, у кого крылья...

– Пусть с Перепелом спляшет, – скривился Нос.

– Это не разговор, – сказал Кирилл, от волнения не чувствуя под собой ног.

Еще утром он был никем в банде, а сейчас у него уже и голос прорезался. Но ведь сейчас он свой среди своих, и никто не вправе оскорблять его. Если Нос не хочет считаться с ним, то он должен заставить его себя уважать...

– Не разговор, – согласился Перепел.

Он подошел к Кириллу, похлопал его по плечу.

– Мы же с Мускатом друзья. Мы должны друг друга выручать. Ничего, если я станцую за него?

Он приблизился к Катке, обнял ее за талию и утащил в соседнюю каморку, где с ней можно было уединиться. Этим он разрядил обстановку.

– Много берешь на себя, Мускат, – неприязненно сказал Нос.

Но воду больше мутить не стал. И после того, как Перепел привел использованную Катку, объявил Кирилла равноценным членом банды. Событие обмыли пивом, каждому по две банки. Большого Нос не позволил. В банде царил культ здорового образа жизни, потому что на пьяную голову много не набегает. По той же причине запрет был наложен даже на курение, не говоря уже о легких и тяжелых наркотиках.

А потом Нос отправил Катку домой. И когда она ушла, как бы невзначай, сказал Кириллу, что татуировка стоит денег.

– Я четыре трубы за тебя Татузу отгрузил, – будто бы нехотя сказал он.

Четыре «трубы» – это четыре тысячи рублей. Последний раз Кирилл держал в руках такие деньги шесть лет назад, еще до того, как рубль был денонсирован.

– Или ты думал, он за спасибо работает? – пренебрежительно хмыкнул Нос.

– Значит, я тебе должен, – с унылым видом рассудил Кирилл.

– Смотри, какой догадливый... Ты не мне должен, а братве. Это наши общие деньги.

Кирилл знал, что Нос имеет какие-то дела с Прокурором, с крутым бандитским авторитетом, но, чем именно он с ним связан, мог только догадываться. И ребята молчали, потому что Кирилл не был посвящен. Но сейчас все изменилось, и он должен был узнать тайну.

– Я могу их отработать? – спросил он.

– Лешка, мне становится страшно, – фыркнул Нос. – Мускат умнеет на глазах.

– Вот и я думаю, как бы он тебя не обскакал, – затуманенно улыбнулась она.

– Скакалка у него еще не отросла.

– Ну, он у нас еще молоденький... Сколько тебе, Мускат, пятнадцать? – Лешка неторопливо, мягким шагом обошла Кирилла по кругу, пальцами коснувшись его плеча.

– Мне хватает.

– И бегаешь ты хорошо... Значит, есть чем отработать.

– А можно вола не водить, – поморщился Кирилл. – Что делать-то надо?

– Наркоту по точкам разносить, – резко сказал Нос, пристально глядя на него.

Кирилл угнетенно кивнул. Так он и знал, что без наркоты не обойдется. И ребята меж собой о ней нет-нет да скажут, да и Прокурор, говорят, на этом живет.

– Что, не нравится? – внимательно посмотрела на него Лешка.

– А у меня что, есть выбор?

– Нет.

– Тогда я в доле.

У него действительно не было выбора. Ведь он не просто хотел стать своим в банде, он жил этим, без усталости тренируясь в паркуре. Секатор, Панас, Фриц и Перепел – его лучшие

друзья, он ради них готов был разбиться в кровь. Банда, братва – это его жизнь, и ничего другого ему не нужно.

– Ничего другого мы от тебя и не ожидали, – как о чем-то само собой разумеющемся сказала Лешка.

И Кирилл почувствовал, как нарисованные крылья распахиваются за спиной. Гордость за себя переполняла его.

– Учти, дело опасное, – с важным видом изрек Нос. – И, можно сказать, новое для нас... Менты зверствуют, куда ни сунься, засады везде. Поэтому нас и взяли в дело. Ноги у нас быстрые, от любого мента уйдем. Или нет?

– Как два пальца, – с пренебрежением к надвигающейся опасности ответил Кирилл.

– Тогда уважение... А деньги реальные, можешь не сомневаться. За пару недель свой долг отработаешь...

Кирилл задумался. Если за две недели он сможет заработать четыре «трубы», то за месяц – восемь или даже девять. А у него мать больная, ей лекарства нужны. А еще неплохо было бы купить для нее кресло-каталку с электрическим двигателем, чтобы она не только по квартире, но и по улице могла ездить.

– Значит, завтра у тебя боевое крещение, – решил Нос. – К школе будешь готовиться, задачки решать, из пункта «А» в пункт «Б»... И чем быстрее, тем лучше. А пока отдыхай. Ну чего стоишь? Свободен!

Кирилл растерянно глянул на Лешку, но та с игривой улыбкой развела руками. Да, она остается здесь вместе с Носом и будет заниматься с ним тем, что Кириллу с ней не светит никогда.

Но ведь Нос ни в чем не был виноват перед Кириллом. Лешка никогда не была его девушкой, и никто ее у него не уводил. Нос имел все права на нее, и Кириллу ничего не оставалось, как убраться из подвала.

Домой он вернулся затемно. Бабушка уже спала, а мама сидела в кресле у окна, ждала сына.

– Все хорошо? – как всегда, с тревогой спросила она.

Маленькая она у него, сухонькая и легкая, как ребенок. Когда-то она цветущей красавицей была, говорят, мужчины ухлестывали за ней. Она и сейчас красивая, но как увядший, высохший цветок.

– Лучше не бывает.

Кирилл сел перед ней на корточки, нежно взял за руки, ласково заглянул ей в глаза.

– У бабушки давление, – тяжело вздохнув, сказала она. – В последнее время все чаще...

– Да нет, просто лето жаркое. И душное...

– Хорошо, если так.

Мама выразительно посмотрела на него. Это значило, что ей хочется лечь в постель. Для этого он должен был обслужить ее перед сном, чего она до сих пор стеснялась, – вынести утку, а затем уложить в кровать.

Квартира у бабушки маленькая, однокомнатная, и никому совершенно не было дела, что им приходится ютиться здесь вдвоем. И никому не интересно, что мама у Кирилла – инвалид... Что ж, сама жизнь научила его, что в этом мире каждый выкручивается, как может.

Мама спала в комнате с бабушкой. Кирилл обычно ночевал на кухне, а в летнее время – на свежем воздухе. Ночи сейчас теплые, поэтому его раскладушка стояла на балконе.

– Спокойной ночи! – пожелала мама, когда он проходил мимо нее.

Он остановился, встал на колени перед ней, приложил ее теплую ладонь к своей щеке.

– Я тебя очень-очень люблю... И скоро у нас все будет хорошо. Ты будешь жить в Москве, в большой квартире. И я всегда буду рядом с тобой...

– Что-то случилось? – обеспокоенно спросила она, свободной рукой погладив его по голове.

– Если я хочу, чтобы ты жила в Москве, значит, что-то должно случиться? – удивленно поднял он брови.

– Не знаю... Жизнь меня так научила, что если сегодня хорошо, то завтра будет плохо.

– Значит, тебе придется отвыкнуть от плохого... Спи!

Он поцеловал маму, вышел на балкон, разделся, лег поверх покрывала. Хорошая ночь: тепло, комаров нет. Воздух, правда, не очень: заводские трубы всюду дымят. Но ведь потому и нет комаров...

Зато есть Нос. Он здесь недалеко, в доме по соседству, в подвале, на диване в обнимку с Лешкой. Им хорошо вместе... Кирилл яростно сжал кулаки. Убить бы их обоих...

Он вдруг услышал шорох внизу. Кто-то тихонько скребся на балконе первого этажа. Кошка?.. Но вот вздрогнули перила его балкона, кто-то зацепился за них, подтягивая вверх свое тело. Для кошки тяжеловато...

Кирилл соскочил с раскладушки, схватился за перила и нос к носу столкнулся с Лешкой. Подмигнув ему, она легко перепрыгнула через ограждение балкона и беззастенчиво легла на его раскладушку.

– Уф, пока до тебя доберешься! – широко улыбнулась она.

– Только не говори, что ты устала, – первое, что пришло в голову, сказал он.

Трудно было поверить в то, что Лешка здесь, рядом с ним. Причем пришла сама, без приглашения. Ей ничего не стоило забраться на второй этаж, но ведь важен сам факт, что она рискнула, чтобы попасть к нему.

– В каком смысле? – приподнявшись на локте, подозрительно сощурилась она.

– Ну, второй этаж для тебя плевое дело.

– А-а... А то я подумала, что ты меня в чем-то обвиняешь. Как будто я с Носом устала...

– Э-э, я даже не думал, – растерялся он.

– Что ты не думал? Я с Носом в подвале осталась... И тебе все равно?

– Ну, нет, конечно...

Спохватившись, Кирилл закрыл дверь на балкон, чтобы не беспокоить маму.

– Я думал о тебе...

– Поэтому и Катюку лесом послал? – задорно спросила Лешка.

– Нужна она мне! – пренебрежительно фыркнул он.

– А я тебе нужна? – так резко спросила Лешка, что Кирилла бросило в жар от волнения.

– Э-э... Ты же с Носом, – замялся он.

– Остаться с Носом – плохая примета. Может, я не хочу с ним оставаться...

– Ну-у...

– Что ну?! – тихонько засмеялась Лешка.

Поднявшись, она схватила Кирилла за руку и усадила на раскладушку. Он и опомниться не успел, как она ртом прижалась к его губам и ее горячий язычок скользнул по его верхней десне. Смело, хотя и неумело он пустил в ход свой язык, но Лешка отстранилась от него и, забросив назад голову, озорно засмеялась.

Ему казалось, что Лешка хочет продолжения, но так, чтобы инициатива была в его руках. Он привлек ее к себе, попытался поцеловать, но девушка уклонилась и, выскользнув из объятий, ничего не говоря, перемахнула через ограждение балкона. Кирилл потянулся было за ней, но, спохватившись, остался на месте. Мало кто мог сравниться с Лешкой в паркуре, но все-таки она не совершенна, и второй этаж – это все-таки высота. Он мог бы погнаться за ней, но и она бы тогда ускорила, а это чревато ошибкой. Она могла бы упасть, свернуть шею, и он бы этого себе не простил...

Глава 6

Капли дождя хлестко шлепали по желтеющим листьям клена, сбивая их, втапывая в асфальт. Кирилл тоже привязан к дереву жизни, но есть силы, способные сорвать его с ветки, вбить в грязь, как жалкий, никому не нужный лист. Если вдруг он угодит в лапы к ментам, никто не заступится за него, и ждет его тогда дальняя дорога под конвоем. А у него больная мама, да и бабушка еле ходит...

«Ну, и какого черта ты меня сюда вытащил?» – брюзгливо спросил косматый парень с красными, будто распухшими ноздрями.

Капюшон его ветровки натянут на самые глаза, руки в карманах, прижаты к бокам. Ничего необычного Кирилл в этом не видел. И то, что парень нервно озирался по сторонам, не вызывало в нем подозрений. Тридцать граммов героина – дело очень серьезное. Быть большой беде, если вдруг нагрянут менты... Но Кириллу не нравилось, что получатель не хотел выходить за товаром на улицу, пытался заманить его к себе на квартиру. Дескать, дождь... Но ведь установка на этот счет жесткая: никаких закрытых помещений, товар для дальнейшей продажи в розницу передается только на улице. И не важно, что там – дождь, град, снег, метель.

«Ты здесь один?» – спросил Кирилл, настороженно глянув на дворника, метущего двор в нескольких шагах от него.

Брезентовый плащ на нем с большим капюшоном, но все равно, не та сейчас погода, чтобы работать во дворе.

Краем глаза наблюдая за дворником, Кирилл резко сунул руку в карман и заметил, как дворник дернулся.

«Иуда!» – бросил он в лицо получателю и метнулся в сторону, прочь от дворника.

Тот отшвырнул метлу, кинулся за ним.

«Стоять, милиция!»

Именно этого Кирилл и боялся. Но у него сильные быстрые ноги, и этот район он знает хорошо. Сразу за домом начинается детский сад, перемахнуть через забор – плевое дело, пересечь двор – еще проще...

Он подбегал к белой «девятке», левым бортом припаркованной к зданию трансформаторной подстанции. Сейчас он сквозняком пронесется мимо машины... Но дверь «девятки» вдруг открылась, перегородив ему путь. Из машины выскочил белобрысый парень с утиным носом.

«Стоять!»

Кирилл бежал прямо на него, и парень вытянул руки, чтобы остановить его. Но в самый последний момент Кирилл шагнул в сторону, с ходу запрыгнув на капот «девятки»; еще шаг, и он уже на козырьке здания; следующее движение, и его правая нога цепляется за железный шкаф за машиной. Но этого мало. К счастью, еще повыше расположен раструб воздухозаборника. Главное, не потерять скорость, не испугаться. Раз, и левая нога касается выступа вентиляционной трубы. Опираясь на нее, Кирилл дотягивается до горизонтально расположенного водосточного желоба, выбрасывает тело на крышу подстанции.

«Стой, стреляю!»

Кирилл знает, что угроза пустая. У него нет оружия, он не представляет угрозы для ментов, поэтому стрелять они в него не будут. Да и выглядит он слишком молодо, хотя не так давно исполнилось шестнадцать лет. Стрелять в мальчишку – последнее дело даже для мента.

Он забрался на крышу подстанции, но может получиться, что этим сам себя загнал в ловушку. Если, конечно, он не ошибся, и за этим зданием расположена линия кирпичных гаражей. Да, есть такое дело. Только нужен разгон, чтобы прыгнуть на три метра. А времени совсем мало...

Кирилл разогнался, далеко прыгнул; сейчас он опустится на следующую, более низкую крышу. Он летит, сила тяжести тянет его вниз, но почему-то гараж удаляется от него, а на его месте появляется белобрысый парень, он распахивает объятия, чтобы поймать беглеца...

Проснулся Кирилл в холодном поту. Нет никаких ментов, и он лежит в своей постели. Сквозь шторы пробивается луч утреннего солнца. Он в Москве, и, кроме школы, ему ничего здесь не угрожает.

Дурацкий сон. Из реального прошлого. Он действительно убегал от ментов через трансформаторную подстанцию, спрыгнув на гаражи. Ушел от погони, сохранив драгоценный груз... Четыре раза гнались за ним менты, и всегда Кирилл уходил от них. Но все-таки однажды попался. Хотя и не по своей вине...

Но все это осталось в далеком прошлом. Он в Москве, никто за ним не гонится. Плохо, что Вика узнала о его бывших проблемах с законом. Но ведь он выкрутился, рассказал ей красивую сказку, и она ему поверила. Врать, конечно, нехорошо, но иногда ложь лучше, чем правда...

Кирилл глянул на часы. Пятнадцать минут седьмого. Еще можно поспать, но сна ни в одном глазу. И, вообще, нечего залеживаться. Может быть, он уже и не волк, и ноги его не кормят, как это было прежде. Но все равно нужно держать себя в форме. Тем более на днях физкультуру пропустил, потому что нужно было сбежать к маме, провести ее. И неважно, что за ней небескорыстно присматривает пожилая соседка; он все равно должен был следить за тем, чтобы она ни в чем не нуждалась.

Недалеко от дома располагалась парковая зона, там большой пруд, беговые дорожки вокруг него. Время от времени Кирилл бегал там по утрам, мечтая о том, чтобы каждый день начинался с такой разминки. Но, видно, расслабился за последнее время, обленился. А ведь он обязан держать себя в отменной физической форме. Мало ли какие проблемы возникнут в будущем? Да и вообще, спорт – это норма жизни успешного человека. А он хочет быть успешным во всех отношениях.

Спать не хотелось, но и вставать тоже. У Кирилла в жизни случались моменты, когда, чтобы подняться, нужно было упасть. И сейчас он мог уронить себя, чтобы вскочить на ноги. Так он и сделал – скатился с кровати, упал на руки, десять раз отжался и только затем принял вертикальное положение. И хотя постель продолжала манить его в свои объятия, он смог уйти от этого столь соблазнительного притяжения. Надел футболку, спортивные шорты, кроссовки стояли в прихожей.

Мама еще спала, и, чтобы ее не будить, он тихонько вышел из квартиры.

Прохладный утренний воздух приятно взбодрил его, светлое безоблачное небо подняло настроение, птичий гомон напомнил, что человек – неотъемлемая часть природы. Постепенно разгоняясь, он добежал до парка; продолжая наращивать темп, помчался вдоль пруда. Бег трусцой он будет проповедовать, когда отправится на пенсию. А сейчас – чем быстрее, тем лучше.

Он стремительно обошел пожилую парочку, затем обогнал более быстрого парня, следовавшего в фарватере юной девы в голубой футболке. На голове у нее бейсболка, русые волосы стянуты в хвост на затылке. Плечи у девушки широковатые, но в гармонии с тонкой талией они ничуть не портили фигуру, скорее наоборот. Бедра узкими не назовешь, ноги сильные, длинные, а икры развиты так, как это нравилось Кириллу... Ему в этой девушке нравилось все – и волосы, и фигура, и ее по-женски плавные, но энергичные движения...

Бежала она быстро, но и парень, которого обогнал Кирилл, мог развить большую скорость. Но, видимо, ему нравилось бежать за девушкой, наблюдать, как напрягаются ее развитые ягодичные мышцы под короткими шортиками. Что ж, каждому свое...

Кирилл не стал пристраиваться в фарватер к бегунье. У него и гордость есть, и своя девушка.

Вика хоть и не бежит по утрам, но фигурка у нее и без того на загляденье. И лицо красивое...

Она очень ему нравилась, ему порой даже казалось, что это любовь. Но только казалось. Те чувства, которые он питал к Вике, по своему накалу и эмоциональной окраске значительно уступали тому, как он любил свою Лешку...

Лешка была его первой женщиной, и он готов был умереть за нее. Более того, умирал. В тюрьме. Когда оказался в общей камере после ареста, где и нарвался на малолетних отморожков. И все из-за того, что решил быть с сокамерниками честным.

Смотрящий по камере спросил, есть ли у него любимая девушка. Кирилл ответил, что есть. И даже назвал ее имя. От волнения не сообразил, что имя это не женское. Сказал, что Лешку любит. Вот тут-то все и началось. И мальчиков он любит, и петух у него на спине выколот... Он смог тогда за себя постоять, но это стоило ему здоровья. После жестокой драки с тремя отморожками он почти неделю провел в тюремной санчасти, в палате с одним из своих обидчиков...

Нет, Лешка не виновата была в том, что он попал в камеру впросак. Она оплошала в другом – в том, что менты взяли ее с поличным. А Кирилл так ее любил, что взял вину на себя. Сказал следователю, что это он сунул ей в карман пакетик с героином. И загудел на два года в колонию для несовершеннолетних. Где мог умереть. За Лешку.

Это сейчас он понимал, что та же Вика внешне гораздо красивей, чем Лешка. И душа у Вики, если честно, светлей. Но вряд ли в его жизни будет женщина лучше, чем Лешка. Возможно, он будет любить ее всегда...

Но Лешки нет, она умерла. А жизнь продолжается. И очень хорошо, что в этой жизни у Кирилла появилась Вика. Плохо, если она вдруг бросит его... Но этого не должно случиться, ведь вчера он смог объясниться с ней, она все поняла, и сомнений в ней не осталось. Так что на посторонних красавиц засматриваться не стоит.

Подогреваемый мыслями о Вике, он пробежал мимо девушки в бейсболке, даже не глянув на нее.

– Аллю, гараж! – услышал он вдруг знакомый голос.

Только тогда стало ясно, что за девушку он обогнал. Это была Инга, его одноклассница. Причем она узнала его первой.

– Топиться бежишь? – насмешливо спросила девушка.

– Почему топиться? – поравнявшись с ней, с интересом посмотрел на нее Кирилл.

Нравилась ему эта девчонка. Красивая, стильная, острая на язык. Но симпатии не переросли в романтическое чувство. Может быть, потому что у него есть Вика. Да и Лешка продолжает держать его чувства за бороду.

– Потому что бежишь быстро. Чем быстрее выдохнешься на воздухе, тем быстрее захлебнешься в воде. Закон Муму. Не слышал о таком?

Инга сохраняла довольно высокий темп бега, но дышала при этом ровно, голос не срывался, не дрожал. Чувствовалось, что к спорту девушка относится очень серьезно.

– Это собачка, которую утопили? По приказу барыни?

В свое время Кирилл терпеть не мог школу и учился так себе. А девятый класс так и вовсе пустил под откос. Окончил его в колонии для несовершеннолетних, так же как и десятый. Разумеется, в лагерной школе высоких требований к знаниям не предъявляли, но, может, потому в нем и появился интерес к учебе. Оба класса он закончил почти на «отлично». Там же, в зоне, он мог получить и аттестат о полном среднем образовании, но срок вышел, и он отправился домой.

Одиннадцатый класс он мог закончить уже на свободе, но не вышло. Закрутила его криминальная жизнь. Так закрутила, что еле выпутался... Но ничего, у него появилась возможность наверстать упущенное. И школа снова пришла в его жизнь...

– По приказу барыни? – удивилась Инга. – Кто тебе такое сказал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.